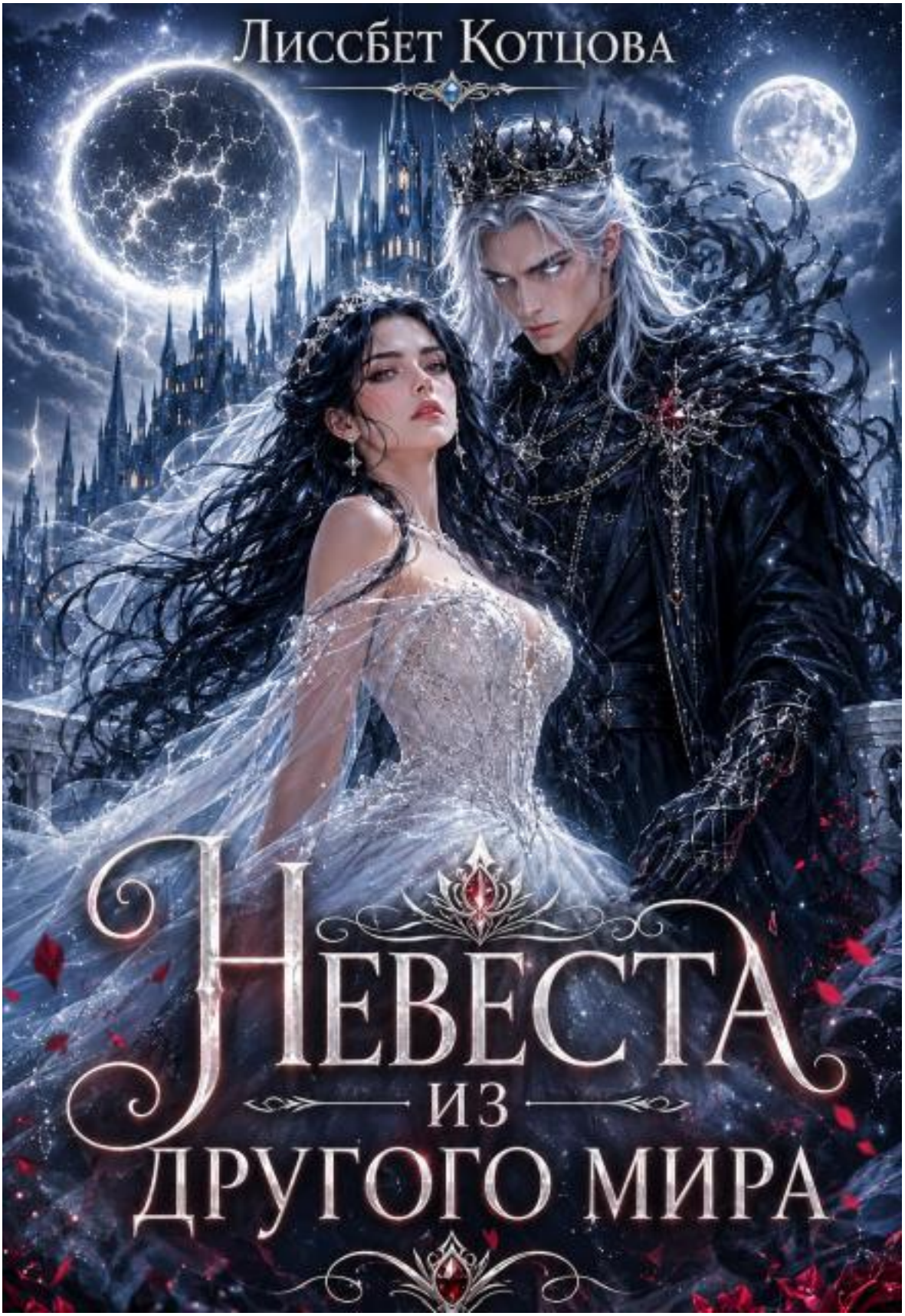

Лиссбет Котцова
Невеста
из
другого мира

Лиссбет Котцова

Невеста из другого мира

«Литнет»
2026

Котцова Л.

Невеста из другого мира / Л. Котцова — «Литнет», 2026

Мира не верила в свадьбы, судьбу и сказки о любви. Она просто работала в свадебном салоне, пока однажды странное платье без имени заказчицы не затянуло её в другой мир.Астерия встретила её чёрным дворцом, треснувшей луной и людьми в серебряных масках. Здесь Миру называют невестой Чёрного Короля — проклятого правителя, чей мир умирает от древней Пустоши.
По старому договору спасти империю может только девушка из мира без магии. Но цена спасения — её душа.Каэль Морвэн должен жениться на ней ради своего народа. Он опасен, холоден и скрывает слишком много правды. Но именно он первым предупреждает Миру: жрецы хотят не королеву, а жертву.Пытаясь сбежать, Мира узнаёт невозможное: она не случайная попаданка. В её крови спит наследие уничтоженной династии, а Чёрный дворец признаёт в ней законную владычицу Белого трона.Теперь за ней охотятся жрецы, твари из Пустоши, мёртвые невесты и сама судьба. Чтобы выжить, Мире придётся понять, кому можно доверять: королю, который должен был принести её в жертву, или трону, который зовёт её по настоящему имени.Но в Астерии каждая клятва имеет цену.И самая страшная из них — любовь.

© Котцова Л., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Платье для чужой невесты 5
Глава 2. Черный дворец 12
Глава 3. Кровь короля 21
Глава 4. Зеркало мёртвых невест 28
Глава 5. Королева, которой не должно быть 36
Глава 6. Белый трон 44
Глава 7. Когда падают дворцы 53
Глава 8. Богиня с лицом матери 62
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Глава 1. Платье для чужой невесты

В день, когда Мира исчезла из своего мира, она впервые за много лет надела свадебное платье.

Не потому что собиралась замуж.

Она вообще не верила в свадьбы. Во всяком случае, в те свадьбы, где люди улыбаются фотографу, пока пальцы у невесты белеют от страха, а жених шепчет: «Не устраивай сцену, все смотрят». Мира слишком хорошо знала цену красивым обещаниям. Её мать тоже когда-то верила в белое платье, золотые кольца и слова «навсегда». Потом от «навсегда» остались только долги, чемодан у двери и девочка, которая научилась не спрашивать, когда папа вернётся.

Поэтому Мира работала в свадебном салоне.

Судьба обладала отвратительным чувством юмора.

— Мира, ты снова смотришь на него так, будто оно тебя укусило, — сказала Лена из-за стойки.

— Платье не кусается, — ответила Мира, поправляя манекену фату. — Оно душит.

Лена фыркнула:

— Клиенткам так не говори.

— Я говорю: «Это платье подчёркивает вашу шею».

— Господи, какая ты романтичная.

Мира улыбнулась краешком губ и отступила на шаг.

Платье действительно было красивым. Неприлично красивым. Молочно-белое, с длинными рукавами из тонкого кружева и шлейфом, который растекался по полу, как иней по стеклу. Его привезли утром без накладной, без подписи, без имени заказчицы. Просто большая чёрная коробка у двери салона и карточка внутри:

Для невесты, которая придёт до полуночи.

Лена решила, что это рекламный ход от нового дизайнера.

Мира решила, что дизайнеру стоит обратиться к психиатру.

Но платье повесили в центральный зал, потому что оно притягивало взгляд. Девушки, которые заходили на примерку, замирали перед ним, как перед иконой. Одна даже расплакалась, хотя пришла выбирать брючный костюм и уверяла, что ненавидит «весь этот свадебный цирк».

К вечеру салон опустел.

За окнами начался дождь. Не сильный, а мелкий, колючий, будто небо просыпало иглы. Машины тянули по мокрой улице красные полосы фар. Часы над зеркалом показывали 21:47.

— Я побежала, — сказала Лена, запахивая пальто. — Не сиди долго. И не разговаривай с платьем.

— Только если оно начнёт первым.

— С твоим характером даже платье не выдержит.

Дверь звякнула колокольчиком, и Мира осталась одна.

Сначала тишина показалась приятной.

Потом — слишком глубокой.

В салоне обычно что-то жужжало, тикало, скрипело. Старый кондиционер, лампы, холодильник в подсобке, трубы в стене. Но теперь всё стихло. Даже дождь за стеклом будто отодвинулся куда-то далеко.

Мира подняла глаза.

Платье висело напротив большого зеркала.

И в отражении его не было.

Она моргнула.

В зале платье было. Белое, сияющее, неподвижное.

В зеркале — пустой манекен.

— Прекрасно, — тихо сказала Мира. — Теперь у нас ещё и проблемы с освещением.

Она подошла к зеркалу и коснулась его пальцами. Стекло было холодным. Очень холодным. Как металл зимой. Мира отдёрнула руку и увидела на подушечках пальцев серебристую пыль.

Пыль светилась.

Не ярко. Едва заметно. Как лунный след на коже.

В эту секунду в подсобке что-то упало.

Мира резко обернулась.

— Кто здесь?

Глупый вопрос. В фильмах после него всегда умирали первыми.

Она взяла со стойки тяжёлые портновские ножницы и пошла к подсобке. Дверь была приоткрыта. Внутри пахло тканью, картоном и почему-то мокрой землёй.

На полу лежала та самая чёрная коробка.

Крышка была сброшена.

А внутри, на чёрной бархатной подкладке, лежало украшение, которого утром там точно не было.

Венец.

Не диадема, не ободок, не модная свадебная безделушка. Именно венец — тонкий, тёмный, будто выкованный из ночи. По нему тянулись серебряные прожилки, похожие на трещины в замёрзшем озере. В центре мерцал маленький камень. Не бриллиант. Не сапфир. Он был похож на кусочек неба перед грозой.

Мира знала, что нужно сделать.

Закрыть коробку. Вызвать Лену. Вызвать полицию. Вызвать кого угодно, кто умеет объяснять светящуюся пыль, исчезающие отражения и венцы, возникающие из ниоткуда.

Вместо этого она протянула руку.

Не потому что хотела.

Потому что венец позвал её.

Не голосом. Не словами. Чем-то глубже. Так зовёт больной зуб, когда язык снова и снова тянется к нему, хотя ты знаешь, что будет больно.

Пальцы коснулись холодного металла.

И салон исчез.

Не сразу. Сначала погасли лампы. Потом зеркала стали чёрными. Потом пол ушёл из-под ног, и Мира провалилась в темноту, где не было ни воздуха, ни звука, ни времени.

Она попыталась закричать, но рот наполнился холодом.

Перед глазами вспыхнули образы.

Чёрный дворец на краю обрыва.

Женщина в белом платье, бегущая по коридору с ребёнком на руках.

Серебряные маски.

Кровь на снегу.

Мужской голос, низкий, хриплый:

— Спрячьте её в мире без магии. Пока звёзды не вспомнят своё имя.

Потом — боль.

Мира ударилась коленями о каменный пол и вдохнула так резко, будто вынырнула из ледяной воды.

Она стояла на четвереньках.

Нет.

Не стояла.

Лежала у подножия огромного алтаря.

На ней было свадебное платье.

Не то, что висело в салоне. Это было то же платье — и не то же. Ткань стала тяжелее, холоднее, будто её соткали из лунного света и пепла. Рукава плотно обнимали запястья. Шлейф расползался по чёрному камню, как живая тень.

Мира подняла голову.

Над ней не было потолка.

Там было небо.

Огромное, чужое, невозможное.

В нём висели две луны. Одна — бледная, почти прозрачная. Вторая — чёрная, треснувшая, с серебряной раной через весь диск. Вокруг них медленно вращались обломки камня, похожие на осколки разбитой короны.

Мира перестала дышать.

— Она пришла, — прошептал кто-то.

Шёпот прокатился вокруг неё, как ветер по сухой траве.

Мира увидела людей.

Или почти людей.

Они стояли полукругом вокруг алтаря. Высокие фигуры в длинных тёмных одеждах. На лицах — серебряные маски без ртов. Только узкие прорези для глаз. Их было много. Слишком много.

В руках они держали свечи с чёрным пламенем.

Мира медленно села.

— Где я?

Её голос прозвучал жалко. Хрипло. Слишком по-человечески среди этого камня, ночи и масок.

Никто не ответил.

Один из людей шагнул вперёд. На его маске были выгравированы лучи вокруг пустых глазниц.

— Невеста из мира без магии, — произнёс он торжественно. — Договор исполнен. Кровь услышала зов. Путь открыт.

— Нет, — сказала Мира.

Слово вышло само.

Человек в маске замер.

— Что?

Мира поднялась на ноги. Колени дрожали, но злость помогла удержаться. Злость всегда помогала лучше, чем надежда.

— Я сказала: нет. Не знаю, кто вы такие, что вы подмешали в воздух и где спрятали камеры, но я ни на что не соглашалась.

По рядам прошёл шорох.

— Она не понимает, — сказал кто-то.

— Разумеется, не понимаю! — Мира сорвала с головы венец и швырнула его на пол.

Венец ударился о камень.

Зал содрогнулся.

Свечи разом вспыхнули выше. Люди в масках отпрянули, будто она бросила не украшение, а отрубленную голову.

Мира тоже отпрянула.

Из венца потекла тень.

Тонкая, густая, чёрная, как чернила. Она поползла по полу к её ногам, но не коснулась. Остановилась в нескольких сантиметрах, будто боялась.

И вдруг все маски склонились.

Все.

До единой.

Мира обернулась.

За её спиной, на верхних ступенях алтаря, стоял мужчина.

Она не слышала, как он пришёл.

Он был одет в чёрное. Не просто в чёрную ткань — в цвет, который поглощал свет. Высокий, широкоплечий, с серебристо-белыми волосами, стянутыми у затылка. Лицо бледное, резкое, слишком красивое для живого человека и слишком усталое для бессмертного. По шее под кожу уходили тёмные линии, похожие на трещины. Они исчезали под воротом, но Мира почему-то поняла: они покрывают его всего.

Его глаза светились серебром.

Не отражали свет.

Именно светились.

Но страшнее глаз была тень.

Она лежала у его ног не так, как должна лежать тень. Она дышала. Шевелилась. Иногда поднималась за его плечом, словно огромные сломанные крылья.

Мужчина смотрел на Миру.

Не с удивлением.

С обречённостью.

— Вы ошиблись человеком, — сказала она, хотя голос снова подвёл.

Он спустился на одну ступень.

Люди в масках опустились на колени.

— Ваше величество, — выдохнули они.

Мира почувствовала, как внутри всё неприятно сжалось.

Король.

Конечно.

Потому что обычные маньяки в масках уже не считались достаточно серьёзной проблемой.

Мужчина поднял венец с пола. Тень втянулась обратно в металл, как испуганная змея. Он держал венец осторожно, почти бережно, но его пальцы побелели от напряжения.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Его голос был тем самым.

Из темноты.

Из видения.

Низкий. Хриплый. Будто каждое слово проходило через пепел.

— Мира.

Мужчина закрыл глаза.

На одно короткое мгновение его лицо изменилось. Боль — вот что это было. Не удивление. Не радость. Боль, слишком старая, чтобы кричать.

— Мира, — повторил он так, будто это имя что-то разрушило в нём.

— А вас? — спросила она. — Или мне сразу называть вас похитителем?

Кто-то из масок резко втянул воздух.

Король открыл глаза.

— Каэль Морвэн, — сказал он. — Король Астерии.

— Прекрасно. Каэль Морвэн, король Астерии, отправьте меня домой.

Он молчал.

И это молчание было хуже ответа.

Мира сделала шаг назад.

— Нет. Нет, только не надо вот этого взгляда. Я знаю этот взгляд. Так смотрят врачи перед плохими новостями и мужчины перед фразой «ты всё неправильно поняла». Говорите.

Каэль спустился ещё на одну ступень.

Теперь они стояли почти на одном уровне.

— Дорога открывается только дважды, — сказал он. — Когда невеста приходит. И когда клятва завершена.

— Какая ещё клятва?

Серебряные маски снова зашептались.

Каэль не отвёл взгляда.

— Брачная.

Мира рассмеялась.

Коротко. Нервно. Почти безумно.

— Нет.

— Мира…

— Нет. Я не буду вашей женой. Я не знаю вас. Я не знаю этот мир. Я не знаю, что вы сделали с моим телом, почему на мне это платье и почему у вашей луны проблемы, но я не буду частью вашего средневекового ритуального спектакля!

На последних словах воздух дрогнул.

Не от её крика.

От чего-то другого.

Далеко за стенами — если у этого места вообще были стены — протрубил рог. Один раз. Второй. Третий.

Маски повернулись к небу.

Чёрная луна пульсировала.

По её серебряной трещине расползался алый свет.

— Началось, — прошептал человек с лучами на маске.

Каэль резко обернулся:

— Закрыть северные врата. Всех жрецов к источнику. Никого не выпускать из нижнего города.

— Но обряд…

— Обряд подождёт.

— Ваше величество, без завершения клятвы источник не выдержит!

Каэль посмотрел на него так, что тот согнулся ниже.

— Я сказал: подождёт.

Мира услышала гул.

Сначала едва заметный. Потом всё громче.

Каменный пол под ногами завибрировал. Где-то внизу, глубоко под алтарём, будто просыпалось огромное сердце.

Удар.

Пауза.

Удар.

Пауза.

И с каждым ударом люди в масках становились бледнее, хотя их лиц не было видно.

Каэль шагнул к Мире и протянул руку.

— Идём.

— Куда?

— Туда, где у тебя больше шансов выжить.

— Это должно меня успокоить?

— Нет.

Он не пытался улыбнуться. Не пытался быть мягким. И почему-то именно это испугало её меньше, чем все маски вокруг.

Мира посмотрела на его руку.

Длинные пальцы. Чёрные трещины под кожей. На безымянном пальце — кольцо из такого же тёмного металла, как венец.

— Я вам не доверяю, — сказала она.

— Правильно.

— Вы меня похитили.

— Нет.

— Тогда кто?

Каэль посмотрел на чёрную луну.

— Те, кто очень хочет, чтобы ты умерла за наш мир.

Мира похолодела.

В этот момент алтарь раскололся.

Не весь — только центральная плита, на которой она очнулась. Из трещины вырвался свет. Не белый и не золотой. Больной, синий, как пламя над мёртвым спиртом. Внутри света шевелились лица. Сотни лиц. Они открывали рты, но вместо крика звучал детский смех.

Мира отступила и споткнулась о шлейф.

Каэль поймал её за руку.

И мир снова изменился.

Только на мгновение.

Но этого хватило.

Она увидела его не королём.

Мальчиком лет десяти, стоящим среди снега. В руках у него была деревянная лошадка. Перед ним горел дворец. Рядом лежала женщина с серебряными волосами и открытыми глазами. Мальчик плакал беззвучно, а над ним склонялись фигуры в масках.

Забери его имя, сказал кто-то.

Королю память ни к чему.

Мира вскрикнула и выдернула руку.

Каэль застыл.

— Что ты видела?

Она прижала ладонь к груди. Сердце билось так, будто пыталось выбраться наружу.

— Вас.

Его лицо стало неподвижным.

— Что именно?

Мира не ответила.

Потому что люди в масках больше не стояли на коленях.

Они поднимались.

Медленно.

Один за другим.

И теперь их пустые серебряные лица были обращены не к королю.

К ней.

Человек с лучами на маске произнёс:

— Она пробудила память.

В его голосе больше не было торжественности.

Только голод.

— Значит, кровь истинная.

Каэль встал перед Мирой.

Его тень поднялась за плечами, огромная, чёрная, живая. Свечи погасли. Небо над алтарём потемнело ещё сильнее.

— Сделаете шаг, — тихо сказал он, — и я забуду, что вы служите богам.

— Вы не сможете защищать её вечно, ваше величество.

— Вечно не нужно.

Каэль обернулся к Мире.

Впервые в его серебряных глазах она увидела не холод.

Срочность.

— Беги, когда я скажу.

— Куда?!

Он вложил ей в руку венец.

Металл больше не был холодным. Он обжигал.

— К трону, который они у тебя украли.

И прежде чем Мира успела спросить, что это значит, серебряные маски бросились вперёд.

Дорогие читатели!

Спасибо, что открыли мою книгу и прочитали первую главу. Для меня это особенно волнительно, потому что это моя первая книга в таком жанре. Я очень переживаю и одновременно безумно рада делиться этой историей с вами.

Если вам стало интересно, что будет дальше с Мирой и Каэлем, пожалуйста:

⭐ Поставьте книге звезду — для автора это огромная поддержка.

Добавьте книгу в библиотеку, чтобы не пропустить новые главы.

И мне будет очень приятно, если вы оставите комментарий — я читаю каждый!

Ваша поддержка помогает книге жить и мотивирует меня писать продолжение быстрее.

Спасибо, что вы здесь, ваша Лиссбет Котцова ❤#

Глава 2. Черный дворец

Мира не побежала.

Не потому что была храброй.

Потому что страх иногда не толкает вперёд, а прибивает к месту, как гвоздём.

Серебряные маски рванулись к ней одновременно — бесшумно, слишком быстро для людей. Их длинные тёмные одежды взметнулись, будто крылья ворон. В руках у некоторых вспыхнули тонкие клинки из синего света. Другие тянули к ней пальцы, и воздух вокруг их ладоней покрывался инеем.

Каэль даже не обернулся.

Его тень ударила первой.

Она сорвалась с пола, как живая буря, и развернулась за его спиной огромным чёрным полотном. На мгновение Мира увидела в этой тени очертания крыльев, когтей, рогов — нечто древнее и голодное, спрятанное внутри человека.

Первый жрец не успел вскрикнуть.

Тень схватила его за грудь и швырнула в колонну. Серебряная маска раскололась. Вместо лица под ней была темнота.

Не кожа. Не рот. Не глаза.

Пустота.

Мира отшатнулась.

— Они не люди, — выдохнула она.

— Уже нет, — сказал Каэль.

Он сделал шаг вперёд, и камень под его сапогами покрылся чёрными трещинами.

Один из жрецов взмахнул рукой. Синий клинок пронзил воздух и полетел к Мире, как молния.

Она не успела ни пригнуться, ни закрыться.

Каэль вскинул ладонь.

Клинок остановился в нескольких сантиметрах от его пальцев, дрогнул и рассыпался серебряной пылью.

— Беги, — сказал он.

Мира сжала венец в руке так сильно, что металл впился в ладонь.

— Я не знаю дороги!

— Северный проход. Лестница вниз. Дверь с волком. За ней — коридор. Не останавливайся.

— А вы?

Он наконец обернулся. Серебро в его глазах горело ярче треснувшей луны.

— Я король. Это мой дворец. Здесь меня труднее убить.

Не лучший аргумент. Но достаточный.

Мира подняла подол платья и побежала.

Шлейф цеплялся за каменные выступы, за края плит, за собственные ноги. Венец обжигал ладонь. Где-то позади грохотали удары, ломались колонны, кто-то кричал на языке, похожем на треск льда. Алтарный зал дрожал, будто огромное сердце под ним стало биться быстрее.

Северный проход она узнала сразу.

Не потому что хорошо ориентировалась.

Потому что все остальные арки были завалены тенями, а эта зияла впереди узкой чёрной пастью.

Мира влетела в неё и едва не упала на первой ступени. Лестница уходила вниз крутой спиралью. Стены были из чёрного камня, гладкого, как стекло. В них горели тонкие серебряные жилы, и при каждом ударе далёкого сердца они вспыхивали.

Удар.

Свет.

Удар.

Свет.

Мира сбилась со счёта ступеней на двадцать третьей.

На сороковой ей стало казаться, что лестница не заканчивается.

На шестидесятой она услышала за спиной шёпот.

— Невеста…

Она резко оглянулась.

Выше, на повороте, стояла женщина в серебряной маске. Только теперь маска была не гладкой: изо лба торчали тонкие ветви, как у короны. Женщина не бежала. Она спускалась медленно, почти лениво, но расстояние между ними сокращалось.

— Невеста, не бойся, — сказала она. — Король солгал тебе.

Мира побежала быстрее.

— Это у вас тут семейное? Все начинают разговор с обмана?

— Мы не желаем тебе смерти.

— Правда? А ваш друг только что пытался нарезать меня светящимся ножом.

— Твоя смерть — не цель. Только дверь.

Мира перескочила через две ступени, поскользнулась, ударилась плечом о стену и зашипела от боли.

Женщина продолжала говорить так спокойно, будто они сидели за чаем:

— Ты чужая здесь. Тебе страшно. Он воспользуется этим. Скажет, что защищает тебя. Скажет, что жрецы хотят принести тебя в жертву. Скажет, что ты должна довериться чудовищу, потому что чудовище честнее людей.

Мира не ответила.

Потому что хуже всего было то, что Каэль действительно сказал почти это.

— Но он не скажет главного, — прошептала женщина.

Голос прозвучал уже ближе.

Слишком близко.

Мира увидела внизу площадку и дверь.

На двери был волк.

Не нарисованный. Вырезанный из белого металла. Его пасть была раскрыта, а вместо глаз темнели два пустых углубления.

Мира налетела на дверь плечом.

Она не открылась.

— Да вы издеваетесь.

Она дёрнула ручку. Толкнула ещё раз. Ничего.

Шёпот за спиной стал почти ласковым:

— Он не скажет, что уже убил тебя однажды.

Мира застыла.

Всего на секунду.

Этого хватило.

Холодные пальцы сомкнулись на её запястье.

Мира развернулась и ударила венцом.

Она не думала. Просто ударила тем, что было в руке.

Тёмный металл врезался в серебряную маску.

Раздался звук, будто раскололось зеркало.

Женщина отшатнулась. По маске побежала трещина. Из-под неё вырвался тонкий синий свет.

— Как ты смеешь… — прошипела она уже другим голосом. Не женским. Многоголосым.

Мира снова ударила.

На этот раз венец вспыхнул.

Чёрный свет — если такое вообще могло существовать — разлился по её руке до локтя. Волк на двери вдруг ожил. Его металлическая голова повернулась, пустые глаза открылись, и в них вспыхнуло серебро.

— Имя, — прорычала дверь.

Мира замерла.

— Что?

— Имя, — повторил волк.

Женщина в маске поднималась. Из трещины на её лице вытекала синяя жидкость, похожая на жидкое пламя.

— Быстрее, — сказала Мира двери. — Откройся!

— Имя.

— Мира!

Волк оскалился.

— Не твоё.

Мира почувствовала, как пол уходит из-под ног.

Не её имя.

Конечно.

Потому что в этом кошмарном мире даже дверям было мало нормального общения.

Женщина протянула к ней руку, и пальцы её стали длиннее. Слишком длинные, с лишними суставами.

— Он забрал твоё имя первым, — сказала она. — В ночь, когда пал Белый дом.

Мира прижалась спиной к двери. Венец пульсировал в ладони.

Где-то в памяти вспыхнуло видение: женщина в белом бежит по коридору с ребёнком на руках. Кровь. Снег. Голос: «Спрячьте её в мире без магии».

Ребёнок плакал.

Женщина шептала имя.

Не Мира.

Другое.

Мира закрыла глаза.

Имя было там. Не в голове — глубже. Под кожей. Под страхом. Под той жизнью, которую она считала своей.

Женщина бросилась на неё.

И Мира произнесла:

— Астер.

Дверь распахнулась.

Не внутрь и не наружу. Она просто исчезла, как отражение на воде.

Мира провалилась в коридор и рухнула на холодный пол. За спиной волк зарычал, и дверь вернулась на место с таким грохотом, что стены содрогнулись.

Женщина осталась снаружи.

Но её голос просочился сквозь камень:

— Ты вспомнишь, маленькая звезда. Ты вспомнишь, кому принадлежишь.

Мира отползла от двери, пока спина не упёрлась в стену.

Её трясло.

Венец всё ещё был в руке. На ладони, там, где металл впился в кожу, проступила тонкая серебряная линия. Не порез. Знак. Маленькая звезда с четырьмя лучами.

— Нет, — сказала она дрожащим голосом. — Нет, нет, нет.

Слово Астер продолжало звучать внутри.

Как колокол.

Как приговор.

Из тени у стены раздался тихий голос:

— Лучше не спорить с именем, которое открывает королевские двери.

Мира вскочила так резко, что ударилась затылком о камень.

В коридоре стоял мальчик.

Лет двенадцати, может, тринадцати. Худой, бледный, с тёмными волосами, торчащими во все стороны, и слишком умными глазами. Одет он был в короткую куртку, узкие штаны и сапоги, явно украденные у кого-то побогаче. На плече у него сидела маленькая серая птица с человеческими пальцами вместо когтей.

— Только не ори, — сказал мальчик. — Внизу спят те, кто просыпается от женских воплей и запаха свежей крови.

Мира сжала венец перед собой, как оружие.

— Кто ты?

— Вопрос глубокий. Философский. Опасный. Давай начнём с простого: меня зовут Тир.

— Ты тоже хочешь меня убить?

— Сегодня? Нет. День и так насыщенный.

Птица на его плече склонила голову и сухо каркнула:

— Невеста. Невеста. Кровь проснулась.

— Заткнись, Пип, — сказал Тир.

Птица обиделась и отвернулась.

Мира медленно поднялась. Ноги всё ещё плохо слушались, но паника начинала уступать место чему-то другому.

Злости.

Очень чистой, очень полезной злости.

— Где я?

— В Чёрном дворце.

— Это я уже поняла.

— Тогда уточняй вопросы, невеста.

— Не называй меня так.

Тир поднял руки:

— Как скажешь, Ваше Сиятельство.

— И так тоже не называй.

— Сложная женщина.

Мира сделала шаг к нему.

— Мне нужно выйти отсюда. Вернуться домой. Найти нормальных людей. Телефон. Полицию. Посольство. Психиатра. В любом порядке.

Тир посмотрел на неё с искренним сожалением.

— Нормальных людей во дворце мало. Телефона не знаю. Полиция здесь называется королевская стража, и половина из них молится тем, кто только что пытался тебя вскрыть. Посольства Земли в Астерии нет. А психиатров сожгли три века назад, потому что они слишком много спрашивали о голосах богов.

Мира закрыла глаза.

— Я хочу проснуться.

— Все хотят.

Птица каркнула:

— Никто не просыпается.

В коридоре снова ударило далёкое сердце.

На этот раз так сильно, что с потолка посыпалась пыль.

Тир сразу перестал улыбаться.

— Источник треснул.

— Что это значит?

— Что если король не удержит верхний зал, весь дворец станет могилой. А если жрецы доберутся до тебя, могилой станешь только ты, но зато красиво, с песнопениями.

— Прекрасный выбор.

— У Астерии вообще талант к плохим выборам.

Он кивнул на венец:

— Прячь это. Пока он светится, тебя найдут.

Мира посмотрела на венец. Тёмный металл действительно мерцал, будто внутри него горела ночная звезда.

— Куда я его спрячу? В карман свадебного платья?

Тир окинул её взглядом.

— Платье, кстати, неплохое. Для похорон империи подходит.

— Тир.

— Ладно, ладно.

Он подошёл ближе и вынул из-за пояса потёртый кожаный мешочек.

— Сюда.

— Почему я должна тебе доверять?

Мальчик пожал плечами.

— Не должна. Но я единственный, кто не носит маску, не сияет глазами и не предлагает тебе выйти замуж ради спасения цивилизации.

Аргумент был раздражающе убедительным.

Мира положила венец в мешочек. Свет погас сразу, будто его задушили.

— Откуда ты знаешь, кто я?

Тир затянул шнурок и протянул мешочек обратно.

— В Чёрном дворце стены слушают. Пол помнит. Двери сплетничают хуже торговок. А сегодня все они шепчут одно и то же.

— Что?

Тир посмотрел на знак на её ладони.

— Вернулась последняя Астер.

Мира сжала пальцы в кулак.

— Я не последняя кто-то. Я продавала свадебные платья в обычном салоне. У меня съёмная квартира, просроченный йогурт в холодильнике и кредит за ноутбук.

— Трагическая биография. Барды заплачут.

— Не смейся.

— Я не смеюсь. Я просто ещё жив, потому что шучу раньше, чем пугаюсь.

Эта фраза почему-то задела её сильнее, чем насмешки.

Мира впервые внимательно посмотрела на него. На худые руки. На старый шрам у губы. На слишком взрослую усталость в детском лице.

— Ты живёшь здесь?

— Никто здесь не живёт. Здесь выживают.

Далеко впереди послышались шаги.

Тир мгновенно схватил её за руку и потянул в боковой проход.

— Быстро.

— Опять бежать?

— Привыкай, Ваше Не-Называть-Тебя-Так. Сегодня у тебя медовый месяц с катастрофой.

Они свернули в узкий коридор, потом ещё в один, потом протиснулись через щель между стенами, которую Мира вообще не заметила бы. Платье мешало ужасно. На третьем повороте она просто схватила подол и рванула.

Ткань не порвалась.

Зато сама укоротилась.

Мира остановилась.

— Что…

Платье изменилось. Шлейф втянулся, как вода, рукава стали плотнее, юбка поднялась до щиколоток, оставив возможность двигаться. Белизна потемнела до цвета лунного серебра.

Тир присвистнул.

— Королевская ткань. Слушается кровь.

— Моего разрешения она не спрашивала.

— Здесь мало кто спрашивает разрешения.

Они вышли на балконную галерею.

И Мира впервые увидела Чёрный дворец.

Он был огромен.

Не просто большой — невозможный. Башни поднимались в небо, как застывшие чёрные молнии. Мосты висели над бездной без опор. Стены из тёмного стекла отражали две луны. Внизу, далеко-далеко, под дворцом раскинулся город: острые крыши, узкие улицы, каналы с серебристой водой и тысячи огоньков.

Но за городом была тьма.

Не ночь.

Стена тьмы.

Она стояла на горизонте, живая, густая, медленно ползущая к столице. Внутри неё вспыхивали синие молнии, и каждый раз Мира видела силуэты: гигантские, изломанные, нечеловеческие.

— Что это? — прошептала она.

Тир встал рядом.

— Северная Пустошь. То, что осталось после последней войны богов. Она растёт каждый год.

— И поэтому им нужна я?

— Им нужна твоя кровь. Твоя душа. Твоя клятва. Возможно, сердце. У жрецов всегда длинный список.

— А Каэлю?

Тир молчал слишком долго.

Мира повернулась к нему:

— Что нужно королю?

— Спасти Астерию.

— Ценой меня?

— Раньше — да.

Она почувствовала, как внутри что-то холодеет.

— Раньше?

Тир посмотрел вверх, туда, где треснувшая луна кровоточила алым светом.

— Пока не увидел тебя.

— Это должно звучать романтично?

— Нет. Это должно звучать опасно. Король, который готов пожертвовать одной девушкой ради мира, страшен. Но король, который ради одной девушки может обречь мир, страшнее.

В этот момент с верхних башен ударил колокол.

Один раз.

Второй.

Третий.

Город внизу ответил криками.

На дальнем мосту вспыхнул огонь. Потом ещё один. По дворцу прокатилась волна тревоги.

Тир побледнел.

— Они открыли нижние ворота.

— Кто?

Ответ пришёл снизу.

Из тьмы под дворцом поднялся вой.

Он был похож на волчий, но слишком длинный, слишком человеческий в конце. Мира вцепилась в каменные перила.

На площади у дворца бежали люди. За ними двигались существа, сотканные из синего пламени и костей. У некоторых было по четыре руки. У других лица висели на груди. Они не нападали хаотично. Они шли к дворцу.

К ней.

Мира знала это так же точно, как знала своё имя.

Оба имени.

— Они чувствуют кровь Астер, — сказал Тир. — Надо уходить.

— Куда?

Он открыл маленькую дверь в стене галереи.

— В старую тронную залу.

— Почему туда?

Тир посмотрел на её ладонь.

— Потому что если дворец действительно признал тебя, то у нас есть шанс.

— На что?

— На то, что он выберет тебя раньше, чем все остальные успеют убить.

Они снова побежали.

На этот раз Мира не спотыкалась.

Не потому что перестала бояться. Она боялась так сильно, что мир вокруг стал слишком ярким: каждая трещина в стене, каждый звук, каждое движение тени. Но страх больше не управлял ею. Он стал топливом.

Они пронеслись через зал с разбитыми статуями. Через библиотеку, где книги сами раскрывались и шептали вслед. Через коридор, увешанный портретами людей с серебряными глазами. Один портрет — женщина в белом платье с ребёнком на руках — заставил Миру остановиться.

Лицо женщины было из её видения.

— Это кто? — спросила она.

Тир оглянулся и замер.

— Лиара Астер. Последняя белая королева.

— А ребёнок?

Он не ответил.

И не нужно было.

Мира смотрела на нарисованную девочку. Тёмные волосы. Большие глаза. Маленькая рука с серебряной звездой на ладони.

На табличке под портретом было выгравировано:

Астерия Мираэль, наследница Белого трона. Пропала в Ночь Падения.

Мира прочитала надпись один раз.

Потом второй.

Земля под ногами будто стала мягкой.

— Мираэль, — прошептала она.

Имя раскрылось внутри неё, как рана.

И где-то глубоко в Чёрном дворце ответил трон.

Не звуком.

Приказом.

Стены дрогнули. Пол под её ногами вспыхнул серебром. По коридору побежали линии света, складываясь в путь.

Тир выругался.

— Теперь все знают, где ты.

Сзади раздался грохот.

В конец коридора выломилась первая тварь из синего пламени. Она была выше человека вдвое. Рёбра торчали наружу, между ними горела пустота. В пасти двигались сразу три языка.

Мира отступила.

Серебряные линии на полу вспыхнули ярче.

Тварь взвыла и бросилась вперёд.

Мира вскинула руку.

Не зная зачем.

Просто желая, чтобы она остановилась.

Воздух перед ней раскололся.

Из стены света вырвался белый огонь — не горячий, не слепящий, а холодный и чистый, как звезда. Он ударил тварь в грудь. Та закричала и рассыпалась пеплом, который ещё в падении превратился в чёрный снег.

Мира стояла с поднятой рукой.

На ладони сияла звезда.

Тир смотрел на неё с открытым ртом.

— Ты сказала, что у тебя нет магии.

— У меня её нет!

— Тогда, поздравляю, — хрипло сказал он. — Дворец только что с тобой не согласился.

В коридоре появились новые силуэты.

Синие твари. Стражники. Люди в масках.

Все сразу.

А за ними — Каэль.

Он шёл сквозь хаос, весь в крови, но, кажется, не своей. Его тень волочилась за ним, изорванная, как плащ после битвы. Серебряные глаза нашли Миру.

И в этот момент она поняла страшное.

Он смотрел не на знак в её руке.

Не на пепел у её ног.

Не на путь, который Чёрный дворец зажёг для неё.

Он смотрел на портрет за её спиной.

На имя под ним.

Астерия Мираэль.

Каэль остановился.

Лицо его стало белее камня.

— Ты вспомнила, — сказал он.

Мира сжала горящую ладонь в кулак.

— Нет. Но, кажется, ты всё это время помнил.

Твари приближались. Маски поднимали клинки. Трон звал её всё громче.

А Мира смотрела только на короля.

— Скажи мне правду, Каэль Морвэн.

Его тень вздрогнула, будто от удара.

— Не здесь.

— Сейчас.

Он сделал шаг к ней.

И впервые за всё время голос Чёрного Короля дрогнул:

— Твой трон украл не я.

Мира не успела ответить.

Потому что за его спиной человек в серебряной маске поднял руку и вонзил синий клинок прямо Каэлю под сердце.

Глава 3. Кровь короля

Каэль не упал сразу.

Это было страшнее всего.

Синий клинок вошёл ему под сердце, прошёл насквозь и вышел из груди тонким холодным светом. На мгновение весь коридор замер: твари из Пустоши, стражники, жрецы в масках, Тир, даже сама Мира.

Каэль стоял.

Его серебряные глаза смотрели на неё.

Не на того, кто ударил. Не на клинок. Не на собственную кровь, которая не была красной — чёрная, густая, с мерцающими серебряными искрами.

На неё.

Будто единственное, что имело значение в этот миг, — чтобы она не испугалась.

А потом его тень закричала.

Не голосом. Пространством.

Стены Чёрного дворца дрогнули так, будто где-то внутри них сломалась кость. Окна вдалеке лопнули, рассыпавшись дождём тёмного стекла. Портреты на стенах зашептали. Пол под ногами Миры вспыхнул серебром.

Человек в маске выдернул клинок.

Каэль сделал один шаг вперёд.

Потом второй.

И только на третьем его колени подломились.

— Нет! — крикнула Мира.

Она бросилась к нему раньше, чем успела подумать.

Тир схватил её за рукав:

— Ты с ума сошла? К трону! Путь ведёт к трону!

— Он умрёт!

— Все когда-нибудь умрут, а ты — прямо сейчас, если останешься!

Мира рванулась так резко, что королевская ткань сама высвободила её руку из пальцев Тира.

Каэль рухнул на одно колено. Его тень метнулась к нападавшему, но была уже не бурей, а изорванным зверем, истекающим дымом. Жрец в маске отступил, легко, почти танцующе.

Теперь Мира увидела его маску.

На ней не было лучей или ветвей. Только тонкая вертикальная трещина, проходящая через всё лицо, будто маску уже однажды раскололи и снова собрали.

— Ваше величество, — произнёс он мягко. — Вы слишком долго колебались.

Каэль поднял голову.

— Варен.

Имя прозвучало как проклятие.

Тир, стоявший за Мирой, резко втянул воздух.

— Невозможно.

— Кто это? — спросила Мира, не сводя глаз с жреца.

— Мёртвый человек, — прошептал Тир. — Он должен быть мёртв.

Жрец повернул к ним серебряное лицо.

— Должен. Прекрасное слово. В Астерии так много всего должно было случиться иначе.

Синие твари снова двинулись вперёд. Стражники отступали, но не бежали: они ждали приказа. Жрецы окружали коридор полукольцом.

А серебряная линия на полу всё ещё вела Миру дальше.

К трону.

К спасению.

К ответам.

Она посмотрела на Каэля. Чёрная кровь расползалась по его одежде, падала на камень и прожигала в нём маленькие дымящиеся дыры. Он пытался подняться, но правая рука не слушалась. Пальцы дрожали. Его лицо стало неподвижным, но Мира уже знала: эта неподвижность не была спокойствием. Это была боль, сжатая в кулак.

— Иди, — сказал он.

— Замолчи.

— Мира…

— Я сказала, замолчи.

В обычной жизни она никогда не говорила так умирающим королям. В обычной жизни у неё не было умирающих королей, дворцов, которые узнавали её кровь, и тварей из синего огня.

В обычной жизни она бы убежала.

Наверное.

Но обычная жизнь закончилась в свадебном салоне, когда зеркало отказалось отражать платье.

Мира опустилась перед Каэлем на колени.

— Что делать?

— Уходить.

— С раной.

— Она от клинка Пустоши. Её нельзя закрыть.

— Значит, не знаешь.

Он посмотрел на неё почти зло:

— Это не упрямство. Это смерть.

— Тогда перестань тратить её на разговоры.

Она прижала ладонь к его ране.

Каэль выгнулся так, будто она вонзила клинок глубже. Из его горла вырвался глухой хрип. Чёрная кровь обожгла ей пальцы холодом. Не болью — именно холодом, таким сильным, что кости, казалось, стали стеклянными.

Мира хотела отдёрнуть руку.

Не отдёрнула.

Знак звезды на её ладони вспыхнул.

— Интересно, — сказал Варен.

Он сделал шаг к ним.

Тир метнул в него что-то маленькое и блестящее. Предмет ударился о камень перед ногами жреца и взорвался облаком зелёной пыли. Варен остановился. Маска чуть повернулась.

— Мальчишка из нижних ходов. Ты всё ещё жив?

— Сам удивляюсь, — сказал Тир, хотя голос его дрогнул. — Видимо, у смерти плохая память.

Птица на его плече каркнула:

— Плохая. Плохая.

Варен поднял руку, но не успел произнести заклинание.

Мира вскрикнула.

Из раны Каэля что-то потянулось к ней.

Не кровь.

Память.

Она хлынула в неё резко, без предупреждения.

Мальчик в чёрном стоит на коленях перед троном. Ему двенадцать. Перед ним лежит корона, слишком большая для детской головы. Вокруг — серебряные маски.

Назови своё имя, принц.

Мальчик молчит.

Его лицо разбито. Губы в крови.

Имя, которое дала тебе мать, больше не принадлежит тебе. Отныне ты Каэль Морвэн. Чёрный наследник. Долг важнее памяти. Народ важнее сердца. Мир важнее одной жизни.

Кто-то касается его лба раскалённым кольцом.

Мальчик не кричит.

Но его тень кричит за него.

Видение сменилось.

Каэль старше. Уже король. Он стоит в зале над телом мужчины с расколотой маской. Варен. Тот самый Варен. Только без чудовищной пустоты под серебром. С человеческим лицом. Красивым, усталым, со смеющимися глазами.

— Не доверяй жрецам, — хрипит Варен. — Они служат не богам. Они кормят то, что притворяется богами.

— Кто открыл Пустошь? — спрашивает Каэль.

Варен улыбается кровавыми губами:

— Тот, кто однажды вернёт тебе невесту.

Видение оборвалось.

Мира снова была в коридоре.

Её рука лежала на груди Каэля. Рана под пальцами больше не кровоточила так сильно, но синий свет внутри неё пульсировал, сопротивляясь.

— Ты видел это? — прошептала она.

Каэль смотрел на неё с ужасом.

Не потому что боялся за себя.

Потому что она увидела слишком много.

— Мира, отпусти.

— Нет.

— Ты отдаёшь мне себя.

Она не поняла.

Пока не почувствовала, как что-то уходит из неё.

Запах дождя на улице возле салона. Голос Лены. Ключи от съёмной квартиры на синем брелоке. Название кафе, где она покупала кофе по дороге на работу.

Мелочи.

Но они исчезали.

Не стирались полностью — тускнели, отдалялись, словно их закрывали стеклом.

Магия этого мира брала плату.

Память за память.

Жизнь за жизнь.

— Хватит, — прохрипел Каэль. — Не смей.

— Вы все здесь только и делаете, что запрещаете мне умирать правильно.

— Ты не знаешь цену.

— Зато ты знаешь? — Она вдавила ладонь сильнее. — Тогда живи и потом расскажешь.

Звезда на её руке раскрылась.

Белый огонь ударил в рану.

Каэль закричал.

И вместе с ним закричал весь дворец.

Серебряные линии на полу взметнулись вверх, обвили их, как корни. Тьма вокруг Каэля забилась, сопротивляясь, но белый огонь входил глубже, выжигая синий свет клинка. От раны повалил дым. Запахло снегом, железом и чем-то горьким, почти цветочным.

Мира больше не видела коридора.

Она стояла в другом месте.

В тронном зале.

Огромном, белом, залитом звёздным светом. На троне сидела женщина из портрета — Лиара Астер. На руках у неё был ребёнок. Мира.

Нет.

Астерия Мираэль.

Женщина смотрела прямо на неё, сквозь годы и смерть.

— Если ты слышишь меня, значит, они нашли тебя, — сказала она. — Значит, мир снова требует твоей крови.

Мира не могла ответить.

Лиара встала. За её спиной горело созвездие в форме короны.

— Запомни, дочь моя: трон не принадлежит тому, кто сидит на нём. Трон принадлежит тому, кто может сказать миру «нет». Не спасай Астерию так, как они требуют. Спаси её так, как они боятся.

— Как? — прошептала Мира.

Лиара подошла ближе.

Её лицо было прекрасным и измученным.

— Не отдавай сердце королю.

Мира почувствовала, как холод сжимает горло.

— Почему?

Женщина коснулась её щеки.

Пальцы были тёплыми.

— Потому что именно твоё сердце откроет последнюю дверь.

Видение лопнуло.

Мира пришла в себя на каменном полу.

Каэль лежал рядом, тяжело дыша. Рана под его сердцем закрылась. Не исчезла — на ткани остался прожжённый разрез, кожа под ним почернела тонкими линиями, но синий свет погас.

Он был жив.

Мира попыталась подняться и не смогла.

Тир подхватил её за плечи.

— Ты сумасшедшая, — сказал он. — Совершенно. Безнадёжно. Легендарно сумасшедшая.

— Спасибо, — прошептала она. — Кажется.

— Это не похвала.

— Уже неважно.

Варен стоял в нескольких шагах от них.

И больше не улыбался.

Серебряная трещина на его маске расширилась. Под ней было видно не лицо, а синее пламя. Он смотрел на Миру с таким голодом, что у неё зашевелились волосы на затылке.

— Белое пламя, — сказал он. — После стольких лет.

Каэль поднялся.

Не полностью. С трудом. Но поднялся.

Его тень встала вместе с ним.

Теперь она была меньше, чем раньше, но плотнее. Как зверь, зализавший рану и решивший убить охотника.

— Варен, — сказал Каэль. — Кто носит твою кожу?

Жрец тихо рассмеялся.

— Я же говорил тебе, мой король. Жрецы не служат богам.

Его голос изменился. Стал глубже. В нём появились другие голоса — детские, старческие, женские, звериные. Все говорили разом.

— Мы служим тем, кто пережил богов.

Синие твари за его спиной опустились на четыре конечности.

Жрецы сняли маски.

И Мира пожалела, что увидела это.

Под масками не было лиц. У одних — гладкая кожа без глаз и рта. У других — чёрные провалы. У третьих — чужие лица, словно наспех пришитые к черепам. Но все они улыбались. Даже те, у кого не было губ.

Тир выругался так грязно, что птица Пип восхищённо каркнула.

— Нижними ходами, — сказал Каэль. — Сейчас.

— А трон? — спросил Тир.

— Потом.

— Потом нас съедят.

— Если останемся, съедят быстрее.

Каэль протянул руку Мире.

Она посмотрела на эту руку.

Потом на его грудь, где ещё недавно торчал клинок.

— Ты мне солгал.

— Да.

Ответ был мгновенным.

Без защиты. Без оправдания.

Мира моргнула.

— Даже не будешь спорить?

— Нет.

— Отлично. Очень зрелый подход для похитителя невест.

— Я не похищал тебя.

— Но ждал.

Каэль молчал.

Значит, попала.

Мира почувствовала, как ярость возвращает ей силы. Хорошо. Ярость была честнее страха.

Она сама поднялась, не принимая его руки.

Каэль чуть заметно сжал пальцы, но ничего не сказал.

Варен поднял клинок.

— Неужели вы уйдёте без благословения?

Коридор перед ними вспыхнул синим пламенем.

Путь назад был отрезан.

Каэль шагнул вперёд, но Мира схватила его за рукав.

— Нет.

— Это не время для споров.

— Именно время.

Она посмотрела на серебряные линии пола. Они всё ещё вели её к трону, но теперь дрожали, как струны.

Дворец слышал её.

Двери слушали.

Пол помнил.

Если всё это было правдой, если её кровь действительно что-то значила, значит, она не была просто добычей.

Она вдохнула.

— Открой другой путь.

Тир посмотрел на неё как на безумную:

— Ты сейчас с кем?

— С дворцом.

— Конечно. С дворцом. Почему бы нет.

Синий огонь приближался.

Мира сделала шаг вперёд.

— Ты признал меня у двери. Признал в коридоре. Признал у портрета. Значит, хватит вести меня туда, куда хотят мёртвые. Открой путь туда, куда мне нужно.

На секунду ничего не произошло.

Варен рассмеялся.

— Дитя, трон не исполняет просьбы. Он принимает жертвы.

Мира медленно повернула голову к нему.

— Я не с тобой говорю.

Пол под её ногами треснул.

Серебряный свет ударил вверх.

Стена справа, глухая и гладкая, вдруг раскрылась. Камень разошёлся лепестками, открывая узкий проход, из которого пахнуло холодным воздухом, пылью и старым железом.

Тир первым пришёл в себя.

— Всё. Я официально люблю королевскую кровь. Бежим!

Он нырнул в проход.

Мира шагнула следом, но Каэль задержался. Его тень перекрыла вход, отражая первую волну синего огня.

— Быстрее, — сказал он.

— Только попробуй героически умереть после того, как я потратила на тебя воспоминания.

Он посмотрел на неё.

В этом взгляде было слишком много всего: вина, удивление, боль и что-то опасно похожее на нежность.

— Не ради тебя, — сказал он тихо.

— Что?

— Я не имею права умирать ради тебя.

Синий клинок Варена ударил по тени. Каэль пошатнулся.

Мира выругалась и схватила его за руку.

На этот раз сама.

И потащила в проход.

Стена сомкнулась за их спинами за мгновение до того, как синий огонь залил коридор.

Наступила темнота.

Пол под ногами резко ушёл вниз.

Мира вскрикнула.

Они покатились по наклонному каменному тоннелю. Платье снова изменилось, обвивая её ноги плотной тканью, защищая от ударов. Каэль попытался удержать её, Тир орал что-то неприличное впереди, птица Пип вопила: «Падаем! Падаем! Падаем!»

А потом тоннель закончился.

Они вылетели в пустоту.

На короткое мгновение Мира увидела под собой огромный подземный зал.

И озеро.

Чёрное, неподвижное, гладкое как зеркало.

Они рухнули в воду.

Холод ударил так, что мир исчез.

Мира ушла под поверхность, запутавшись в платье, волосах, собственном страхе. Вода была не водой — чем-то густым, тяжёлым, полным шёпота. Она открыла глаза и увидела в глубине лица.

Тысячи лиц.

Они смотрели на неё снизу.

И среди них было её собственное.

Мёртвое.

С короной на голове.

Руки схватили её за талию и потянули вверх.

Мира вынырнула, задыхаясь. Каэль держал её одной рукой, другой цепляясь за каменный край. Тир уже выбрался на берег и дрожал, как мокрый кот. Пип сидел у него на голове и выглядел оскорблённым самой идеей воды.

— Что это за место? — кашляя, спросила Мира.

Каэль не ответил.

Он смотрел на озеро.

На его лице был настоящий страх.

Не усталость. Не боль. Не злость.

Страх.

— Каэль?

Тир тихо сказал:

— Это Зеркало Мёртвых Невест.

Мира застыла.

Под водой снова шевельнулись лица.

Каэль медленно повернулся к ней.

— Слушай меня очень внимательно, — сказал он. — Что бы ты ни увидела здесь, что бы они ни сказали, не отвечай им.

Из глубины поднялся женский голос.

Мягкий.

Знакомый.

Невозможный.

— Мира?

Она перестала дышать.

Потому что этот голос принадлежал её матери.

Глава 4. Зеркало мёртвых невест

— Мира?

Голос матери поднялся из чёрной воды так мягко, что на мгновение весь подземный зал исчез.

Не стало ни ледяного озера, ни каменных сводов, ни Каэля рядом, ни Тира, дрожащего на берегу. Осталась только кухня их старой квартиры. Жёлтый свет лампы. Запах дешёвого чая с лимоном. Мамины руки, вечно тёплые, даже зимой. И голос, который Мира не слышала уже семь лет.

— Доченька…

Мира перестала бороться с водой.

Каэль сжал её талию сильнее.

— Не отвечай.

Она почти не услышала.

Из глубины поднималось лицо.

Сначала — мутное пятно под поверхностью. Потом черты стали яснее. Тёмные волосы, собранные на затылке. Усталые глаза. Родинка у левой брови. Та самая маленькая морщинка у губ, которая появлялась, когда мать пыталась улыбаться и не плакать.

Мира вдохнула резко, болезненно.

— Мама…

Пальцы Каэля впились ей в бок.

— Мира, нет.

Вода вокруг них вспыхнула серебряными кругами.

Лицо под поверхностью улыбнулось.

— Ты такая взрослая, — сказала мать. — Я так боялась, что не увижу тебя снова.

Мира не могла отвести взгляд.

Она знала, что это невозможно. Знала. Мать умерла в больничной палате, пахнущей лекарствами, пластиком и обречённостью. Мира держала её за руку до последнего вдоха. Она сама закрыла ей глаза. Сама выбрала чёрное платье для похорон, потому что белое мать ненавидела.

И всё же сейчас этот голос говорил с ней.

Из воды.

Из мёртвого озера.

— Отпусти меня, — прошептала Мира.

— Нет, — сказал Каэль.

— Я сказала, отпусти!

Она ударила его локтем. Слабо, неловко, но он был ранен и не ожидал удара. Его хватка ослабла.

Мира рванулась вперёд.

Тир закричал с берега:

— Не смей! Это не она!

Но Мира уже протянула руку к воде.

Поверхность озера была гладкой, как стекло. Мамино лицо находилось совсем близко, прямо под её ладонью. Ещё немного — и она коснётся.

— Прости меня, — сказала мать. — Я должна была рассказать тебе правду.

Мира замерла.

— Какую правду?

Каэль выругался глухо и снова схватил её, но теперь вода сомкнулась вокруг его руки, как живая. Чёрные ленты обвили запястье короля и потянули вниз.

— Мира! — рявкнул он. — Не говори с ней!

Мать посмотрела на Каэля.

Её лицо изменилось.

Совсем чуть-чуть.

Улыбка стала шире. Слишком широкой. Глаза — темнее.

— Он боится, что ты узнаешь, — сказала она. — Боится, что ты вспомнишь, как он стоял у твоей колыбели в ночь, когда тебя украли.

— Это ложь, — прохрипел Каэль.

— Разве? — Мать склонила голову. — Спроси его, дочь. Спроси, почему его тень знала твоё имя раньше, чем он сам.

Сердце Миры ударило больно и неровно.

Она медленно повернулась к Каэлю.

Его лицо было белым от напряжения. Вода уже добралась ему до груди, хотя он цеплялся за край каменной плиты. Чёрные ленты тянули его вниз. На месте зажившей раны под сердцем снова проступал синий свет.

— Что она имеет в виду? — спросила Мира.

— Она кормится вопросами, — сказал он. — Каждым сомнением. Каждой болью. Отвернись.

— Ответь мне.

— Не здесь.

— Все в этом мире говорят мне «не здесь»!

Из глубины послышался тихий смех.

Не мамин.

Сотни женских голосов рассмеялись одновременно.

Озеро зашевелилось.

Под поверхностью открывались глаза. Десятки, сотни глаз. Лица мёртвых невест поднимались из черноты, одно за другим. Молодые, старые, прекрасные, искажённые ужасом. У каждой на голове был венец. У каждой на губах — след несказанной клятвы.

Тир стоял у берега с ножом в руке.

Нож был смешной. Маленький. Почти игрушечный перед этим озером.

— Ваше упрямое величество, — крикнул он, — у нас заканчивается время!

— Уводи её! — сказал Каэль.

— Она не идёт!

— Заставь!

— Я похож на человека, способного заставить её что-то сделать?!

Пип, сидевший на плече Тира, каркнул:

— Нет. Нет. Умрём.

Мира снова посмотрела в воду.

Лицо матери дрожало, расплывалось, но голос оставался прежним:

— Ты устала быть одна, Мира. Всю жизнь ты искала дом. А теперь они снова хотят сделать из тебя ключ, жертву, королеву, символ. И только я люблю тебя не за кровь.

Слёзы обожгли глаза.

Это было нечестно.

Это было слишком точно.

Мира всю жизнь держалась на злости, потому что злость не бросала, не умирала, не говорила «мне жаль» и не исчезала за белой больничной дверью. Но под злостью всегда была маленькая девочка, которая хотела, чтобы мама вернулась и сказала: «Я рядом».

И вот она говорила.

— Иди ко мне, — прошептала мать. — Здесь не больно.

Каэль резко дёрнул Миру назад.

В ту же секунду из воды вырвались белые руки.

Они схватили её за волосы, за платье, за запястья. Холодные пальцы сомкнулись на горле. Мира вскрикнула, но крик захлебнулся водой.

Лицо матери раскрылось.

Кожа разошлась, как мокрая ткань. Под ней не было черепа — только чёрная бездна, полная звёзд.

— Невеста, — сказала бездна голосом матери. — Назови своё сердце, и дверь откроется.

Мира ушла под воду.

Холод ударил в лёгкие.

Она билась, царапала чужие руки, пыталась найти поверхность, но озеро стало бесконечным. Снизу её тянули мёртвые невесты. Их волосы обвивали её ноги. Их лица приближались, бледные, распухшие, прекрасные и страшные.

— Отдай имя…

— Отдай сердце…

— Отдай короля…

— Мы тоже верили…

— Мы тоже любили…

Вода наполнила рот.

Перед глазами потемнело.

И вдруг в темноте вспыхнула звезда.

Не снаружи.

Внутри ладони.

Серебряный знак Астер горел под кожей. Мира сжала кулак, но свет только усилился. Мёртвые отпрянули, зашипели.

Одна из невест подплыла ближе других.

У неё были золотые волосы, заплетённые в косу, и дыра в груди там, где должно было быть сердце. На шее висел сломанный венец.

— Не бойся нас, — сказала она.

Её голос был не как у остальных.

Не голодный.

Печальный.

— Тогда отпустите меня!

Под водой слова не должны были звучать.

Но здесь звучали.

Невеста коснулась собственной пустой груди.

— Мы не держим. Держит зеркало. Оно показывает то, что ты боишься потерять, и берёт то, что ты готова отдать.

— Что ему нужно?

— Последняя клятва.

— Какая?

Невеста посмотрела вверх.

Там, далеко над ними, Каэль боролся с водой. Его тень металась по поверхности озера, но не могла нырнуть глубже, будто что-то не пускало её.

— До тебя были другие, — сказала мёртвая невеста. — Их приводили к Чёрным Королям. Им обещали корону. Любовь. Спасение мира. А потом их сердца становились замками на дверях Пустоши.

Мира похолодела сильнее, хотя казалось, холоднее уже невозможно.

— Их убивали?

— Не сразу. Сначала они любили.

Мёртвая невеста наклонилась ближе.

— Сердце нельзя взять силой. Только когда оно само выбирает.

Вспомнились слова Лиары Астер: «Не отдавай сердце королю. Потому что именно твоё сердце откроет последнюю дверь».

— Каэль знает?

Невеста молчала.

И этого было достаточно.

Мира почувствовала, как внутри что-то ломается. Не громко. Тихо. Почти аккуратно.

Он знал.

Может быть, не всё. Может быть, не так. Может быть, у него было объяснение, боль, долг, проклятая Астерия и тысяча причин.

Но он знал достаточно, чтобы бояться её любви.

Мёртвая невеста вдруг схватила Миру за руку.

— Не верь зеркалу. Не верь жрецам. Не верь трону.

— А кому верить?

В пустой груди невесты вспыхнул слабый свет.

— Той, кем ты была до того, как они дали тебе имена.

Она резко толкнула Миру вверх.

Мира вынырнула с криком.

Воздух ворвался в лёгкие болью. Она закашлялась, вцепившись в каменный край. Тир и Каэль одновременно схватили её за руки и вытащили на берег.

Мира рухнула на плиты.

Платье облепило тело, но почти сразу начало высыхать, словно вода боялась задерживаться на королевской ткани.

Каэль опустился рядом.

— Мира.

Она отползла от него.

Он замер.

Даже Тир перестал трястись и замолчал.

— Ты знал, — сказала она.

Каэль медленно поднял голову.

— О чём?

— О невестах. О сердцах. О том, что любовь здесь — не чувство, а ключ.

Тень у его ног дрогнула.

— Не всё.

Мира горько усмехнулась.

— Как удобно.

— Я знал легенду, — сказал он. — Не правду. Жрецы учили, что невеста из мира без магии открывает источник брачной клятвой. Что её сердце становится сосудом, но не погибает. Что она будет жить.

— А ты поверил?

Он молчал.

Мира поднялась на ноги. Слабость подкосила колени, но она удержалась.

— Ты поверил, потому что тебе нужно было поверить.

Эти слова попали в него точнее клинка.

Каэль не стал отрицать.

— Да.

Просто.

Жёстко.

Честно.

И от этой честности ей захотелось ударить его сильнее, чем от лжи.

— Сколько их было? — спросила она. — До меня.

Тир тихо сказал:

— Мира…

— Сколько?

Каэль посмотрел на озеро.

Лица под водой снова замерли, словно слушали.

— Семь.

Мира закрыла глаза.

Семь.

Семь девушек. Семь свадебных платьев. Семь обещаний. Семь сердец, превращённых в замки.

— И ты думал, я буду восьмой.

— Я думал, что смогу найти другой способ до клятвы.

— Но призвал меня.

— Да.

— Зачем?

Каэль сделал шаг к ней, но остановился, когда она отступила.

— Потому что Пустошь дошла до северных городов. Потому что дети начали рождаться без дыхания. Потому что каждый день я выбирал, кого не успею спасти. Потому что король, который не готов стать чудовищем ради своего народа, не должен носить корону.

— Поздравляю, — сказала Мира. — У тебя получилось.

Он принял удар молча.

И это было невыносимо.

Лучше бы он злился. Кричал. Оправдывался. Тогда ненавидеть его было бы легче.

Тир кашлянул:

— Я понимаю, момент очень личный, болезненный и полный великолепной драмы, но там, наверху, за нами идут жрецы, твари и, возможно, половина дворца. А здесь озеро мёртвых невест. Может, продолжим семейную ссору в месте, где меньше желающих нас утопить?

Как будто в ответ озеро вспухло.

Вода поднялась стеной.

В её чёрной поверхности снова появилось лицо матери. Теперь оно было огромным, растянутым, с пустыми звёздными глазами.

— Сердце уже дрогнуло, — сказало оно. — Дверь слышит.

Мира сжала кулаки.

— Ты не моя мать.

Лицо улыбнулось.

— Я то, что осталось от всех матерей, которые не успели спасти своих дочерей.

Из воды вырвались руки.

Но на этот раз Мира была готова.

Она подняла ладонь.

— Нет.

Звезда Астер вспыхнула белым огнём.

Не как в коридоре — резким ударом. Иначе. Теперь свет разошёлся кругом, ровно и властно, как приказ. Он прошёл по поверхности озера, и каждая мёртвая невеста, которой коснулся свет, открыла глаза по-настоящему.

Не пустые.

Живые.

Печальные.

Они начали петь.

Тихо, без слов.

Озеро задрожало. Лицо матери исказилось, разорвалось, распалось на чёрные ленты.

— Ты не знаешь, что делаешь! — завизжало зеркало. — Без замков Пустошь войдёт!

Мира шагнула к воде.

— Тогда пусть войдёт через меня.

Каэль резко повернулся:

— Нет.

Она не посмотрела на него.

— Я не тебе решать.

Белый свет стал ярче.

Мёртвые невесты поднимались к поверхности. Не вылезали. Не тянули к ней руки. Просто смотрели. Будто впервые за много лет могли увидеть не жертву, а шанс.

Золотокосая невеста появилась у самого края.

— Освободишь нас — откроешь замки.

— А если не освобожу?

— Они используют тебя, чтобы закрыть последний. И тогда Пустошь будет спать ещё сто лет. Но ты останешься с нами.

Мира рассмеялась тихо, без радости.

— Выборы в этом мире отвратительные.

— Да, — сказала невеста. — Поэтому создай третий.

Мира посмотрела на свою ладонь.

На звезду.

На свет, который слушался не страха, не трона и не короля. Её.

— Как?

Ответила не невеста.

Каэль.

— Кровью короля.

Мира обернулась.

Он стоял очень прямо, хотя был бледен до синевы. Вода стекала с его волос, с чёрной одежды, с острых линий лица. Рана под сердцем снова открылась тонкой тёмной полосой.

— Что?

— Замки созданы сердцами невест и клятвами королей, — сказал он. — Если разрушить только сердца, Пустошь ворвётся. Если разбить только клятвы, невесты останутся пленницами. Нужны оба ключа.

Тир побледнел.

— Ваше величество, мне не нравится, куда идёт эта мысль.

Каэль вынул из-за пояса короткий кинжал.

Чёрный, с серебряной рукоятью.

— Ты хотела правду, Мира. Вот она: твоя кровь может открыть трон. Твоё сердце — последнюю дверь. Но моя кровь может заплатить за то, что сделали Чёрные Короли.

— Нет, — сказала она.

Теперь это слово вырвалось у неё так же, как у него раньше.

Каэль улыбнулся.

Едва заметно.

Печально.

— Правильно. Учишься говорить миру «нет».

— Не смей превращать это в красивый жест.

— Это не жест.

Он перевернул кинжал остриём к себе.

— Это долг.

— Я не буду смотреть, как ты умираешь, чтобы почувствовать себя прощённым.

Впервые в его лице что-то дрогнуло.

— Я не ищу прощения.

— Лжёшь.

Тишина между ними стала острее кинжала.

Потом сверху, из тёмного тоннеля, донёсся звук.

Скрежет металла по камню.

Голоса.

Шёпот.

Серебряные маски нашли путь.

Тир оглянулся на лестницу.

— Я всё ещё голосую за бегство. Бегство — недооценённая стратегия.

Пип каркнул:

— Бежать. Бежать. Поздно.

Из прохода вышел Варен.

За ним двигались жрецы без лиц. Их серебряные маски висели на поясах, как снятая кожа. В руках горели синие клинки. Твари Пустоши ползли по стенам за их спинами, цепляясь когтями за камень.

Варен посмотрел на озеро, потом на Миру, потом на кинжал в руке Каэля.

— Как трогательно, — сказал он. — Чёрный Король наконец решил стать полезным мертвецом.

Каэль шагнул перед Мирой.

— Тир, уведи её.

Мира усмехнулась.

— Серьёзно? После всего?

— Это приказ.

— Я не твоя подданная.

Варен рассмеялся.

— О, но это легко исправить. Один венец. Одна клятва. Одно сердце.

Он поднял руку.

Из мешочка на поясе Миры сам собой вырвался венец. Тот самый, тёмный, с серебряными прожилками. Он завис в воздухе между ними, медленно вращаясь.

Мира попыталась схватить его, но венец отлетел к Варену.

— Наконец-то, — прошептал он. — Последняя невеста. Последняя дверь. Последний голод.

Каэль бросился вперёд.

Варен лишь повернул ладонь.

Синий свет ударил короля в грудь и швырнул его на камни. Тир метнул нож, но тварь на стене поймала его зубами.

Мира осталась стоять одна.

Варен шёл к ней медленно.

— Ты не понимаешь своей удачи, дитя. Тебе предлагают смысл. Разве в твоём мире он у тебя был? Работа, одиночество, старые обиды, мёртвая мать. Здесь ты станешь легендой.

Мира посмотрела на венец.

На озеро.

На Каэля, который пытался подняться.

На мёртвых невест под водой.

И вдруг поняла.

Все они хотели, чтобы она выбрала из предложенного.

Жертва или бегство.

Любовь или трон.

Сердце или мир.

Но Мира всю жизнь ненавидела чужие сценарии.

Она подняла руку.

— Дворец.

Стены подземного зала вздрогнули.

Варен остановился.

— Что ты делаешь?

Мира улыбнулась.

Не радостно.

Опасно.

— Создаю третий выбор.

Серебряная звезда на её ладони вспыхнула так ярко, что даже мёртвые закрыли глаза.

— Ты признал меня у двери. Признал у портрета. Признал у крови. Теперь слушай приказ своей королевы.

Чёрное озеро заволновалось.

Камни застонали.

Далеко вверху ответил трон.

Мира протянула руку к венцу.

— Ко мне.

Венец дёрнулся в воздухе.

Варен сжал пальцы, удерживая его синим пламенем. Его маска треснула ещё шире.

— Он не твой!

— Ошибаешься, — сказала Мира.

И впервые произнесла своё полное имя без страха:

— Я Астерия Мираэль, дочь Лиары, последняя кровь Белого трона. И я забираю то, что принадлежит мне.

Венец вспыхнул белым.

Синий огонь Варена лопнул.

Тёмный металл ударился в ладонь Миры и сам раскрылся, превращаясь не в корону невесты, а в тонкий боевой обруч с острыми серебряными лучами.

Озеро мёртвых невест поднялось за её спиной стеной чёрной воды.

Но теперь в этой воде горели звёзды.

Варен отступил впервые.

— Нет, — прошептал он.

Мира посмотрела на него.

И улыбнулась так, как улыбаются те, кого слишком долго пытались принести в жертву.

— Вот именно. Нет.

Глава 5. Королева, которой не должно быть

Слово Миры ударило по подземному залу сильнее грома.

Нет.

Оно не было криком. Не было просьбой. Не было отчаянной попыткой оттолкнуть смерть.

Это был приказ.

И Чёрный дворец подчинился.

Сначала треснули стены. Не разрушаясь — раскрываясь. В чёрном камне проступили серебряные линии, похожие на корни дерева, спрятанного глубоко под землёй. Они побежали по сводам, по колоннам, по полу, к озеру, к Мире, к венцу в её руке.

Мёртвые невесты поднялись из воды.

Не полностью. Только по плечи, по грудь, как тени, сотканные из чёрного зеркала и звёзд. Их лица больше не были искажены голодом. Они смотрели на Миру молча — с надеждой, от которой становилось страшнее, чем от ненависти.

Потому что ненависть можно пережить.

Надежду нужно оправдать.

Варен отступил на шаг.

Всего на один.

Но Мира увидела это.

И Каэль увидел.

Он лежал у каменной стены, опираясь на локоть. На губах у него была кровь. Серебряные глаза горели в темноте, но в них больше не было приказа. Только потрясение.

Будто он впервые за все годы понял: в этот зал пришла не спасённая им девушка.

А та, от кого теперь нужно было спасать мир.

— Ты не понимаешь, что держишь, — сказал Варен.

Его голос больше не был мягким. В нём шипела трещина, как лёд под ногами.

Мира подняла венец.

Теперь он уже не обжигал. Металл лежал в ладони тяжело и спокойно, словно наконец нашёл хозяина. Из тонких серебряных лучей, выросших по краю, стекали капли света.

— Тогда объясни, — сказала она.

Тир, стоявший позади, издал придушенный звук:

— Мира, возможно, сейчас не лучшее время для образовательной беседы с существом, которое носит мёртвого жреца как пальто.

Пип каркнул:

— Пальто. Плохое пальто.

Варен не обратил на них внимания.

Он смотрел только на венец.

— Это не корона. Это первый замок. Первый договор между Чёрным троном и Белой кровью. Твоя мать украла его в Ночь Падения. Спрятала вместе с тобой. Думала, что этим отсрочит конец.

— Моя мать спасла меня.

— Твоя мать обрекла Астерию.

Вода за спиной Миры заволновалась. Одна из мёртвых невест — золотокосая — закрыла лицо руками, будто слова Варена причинили ей боль.

Каэль поднялся на ноги.

Медленно.

Упрямо.

— Не слушай его.

Варен рассмеялся:

— Разумеется, слушай короля. Он так хорошо умеет говорить правду. Особенно после того, как она перестаёт иметь значение.

Мира не обернулась к Каэлю.

Не потому что доверяла ему.

Потому что боялась посмотреть и снова увидеть человека вместо короля.

А человек усложнял ненависть.

— Ты сказал, что этот венец — замок, — произнесла она. — От чего?

Варен поднял руки.

Жрецы без лиц за его спиной замерли. Синие твари на стенах перестали скрести когтями камень. Даже озеро стало тише.

— От того, что вы называете Пустошью.

— А вы?

— Голодом, который существовал до богов. До миров. До имён. Боги пришли к нему первыми. Они думали, что смогут его приручить. Кормить чужими жертвами. Закрывать чужими сердцами. Они всегда были самоуверенны.

Мира почувствовала, как венец в её ладони едва заметно дрогнул.

Варен улыбнулся трещиной в маске.

— Потом боги умерли. Или сбежали. Или спрятались в молитвах. Но Голод остался. Астерия кормила его невестами, королями, войнами, памятью магов. Столетие за столетием. И теперь долг слишком велик.

— И ты хочешь открыть ему дверь?

— Я хочу перестать притворяться, что дверь можно держать закрытой.

Каэль шагнул вперёд.

Его тень поднялась за плечами, тонкая, израненная, но всё ещё опасная.

— Ты хочешь впустить его в мир.

— Я хочу, чтобы мир перестал умирать медленно. Быстрая смерть честнее.

— Это говорит не Варен.

— Варен умер, когда понял, что ты не способен сделать выбор.

Существо в маске повернулось к Каэлю.

— Он умолял меня взять его. Знаешь? Когда ты оставил его тело у северных врат. Когда приказал сжечь заражённых, чтобы город выжил. Он ещё дышал. Ещё слышал. Ещё звал тебя братом.

Мира резко посмотрела на Каэля.

Братом.

Слово повисло между ними, тяжёлое и острое.

Лицо Каэля изменилось так, будто в него снова вонзили клинок.

— Он умер до огня, — сказал он.

— Ты очень хотел в это верить.

Варен шагнул ближе.

— Как хотел верить, что невесты не умирают. Как хотел верить, что новая жертва даст тебе время. Как хотел верить, что если не помнить своё настоящее имя, то вина станет легче.

Тень Каэля дрогнула.

Мира увидела, как он сжал кулаки. Не от злости — чтобы удержаться на ногах.

И в этот миг она поняла страшную вещь.

Варен бил не по ней.

По нему.

Потому что сломать Каэля было легче, чем забрать венец у неё.

Мира сделала шаг вперёд.

— Достаточно.

Варен повернул к ней маску.

— Что?

— Ты слишком много говоришь для древнего голода.

Тир тихо прошептал:

— Вот сейчас я почти влюбился.

Пип каркнул:

— Почти. Почти.

Мира подняла венец выше.

— Ты хочешь, чтобы я испугалась правды. Чтобы возненавидела его. Чтобы решила, что раз все лгали, значит, можно сжечь всё к чёрту. Очень соблазнительно. Правда.

Варен молчал.

— Но есть проблема, — продолжила Мира. — Я злилась задолго до того, как попала в ваш мир. И знаешь, что я поняла? Злость полезна только до тех пор, пока она твоя. А ты хочешь, чтобы я отдала её тебе.

Серебряная звезда на её ладони вспыхнула.

Варен резко отступил.

— Ты не королева.

Мира усмехнулась.

— Да я вообще сегодня утром была консультантом в свадебном салоне. А теперь вот стою в подземелье, разговариваю с озером мёртвых невест и чудовищем в чужом теле. Поверь, мои требования к реальности сильно снизились.

Она надела венец.

Не на голову.

На запястье.

Тёмный металл раскрылся, как живой, и сомкнулся вокруг руки браслетом с острыми лучами. Свет ударил по венам. Мира вскрикнула, но не сняла его.

В её памяти что-то открылось.

Не полностью — щель.

Снег.

Кровь.

Мать держит её на руках и бежит через зал Белого трона.

За спиной кричат люди.

Серебряные маски уже тогда были там.

И рядом с ними — мальчик с белыми волосами.

Каэль.

Нет. Не Каэль.

Мальчик с другим именем. Маленький, испуганный, с руками в крови, но не её крови. Он стоит у двери и держит её открытой.

— Быстрее! — кричит он Лиаре. — Я не смогу долго!

Лиара смотрит на него.

— Они заберут у тебя память.

Мальчик плачет, но не отступает.

— Пусть.

Видение оборвалось.

Мира пошатнулась.

Каэль оказался рядом слишком быстро, хотя только что едва стоял. Он не коснулся её — остановил руку в воздухе, будто боялся, что теперь не имеет права.

— Что ты увидела?

Мира медленно подняла на него глаза.

— Ты помог ей.

Он замер.

— В Ночь Падения. Ты помог моей матери унести меня.

Тир открыл рот.

Варен зашипел.

А Каэль просто закрыл глаза.

На лице его не было облегчения. Только боль человека, которому вернули воспоминание, за которое уже некому сказать спасибо.

— Я не помнил, — сказал он.

— Теперь помнишь?

— Да.

Слово было почти беззвучным.

Мира хотела спросить больше. Хотела узнать его настоящее имя, хотела понять, почему его заставили стать Чёрным Королём, почему он ждал её как жертву, если когда-то спасал как ребёнка.

Но Варен не дал ей времени.

— Какая трогательная сцена, — прошипел он. — Девочка нашла оправдание для чудовища.

Жрецы двинулись вперёд.

Синие твари сорвались со стен.

И озеро мёртвых невест поднялось навстречу им.

Вода ударила первой. Чёрная, звёздная, ледяная. Она смела двух жрецов и захлестнула тварь у потолка. Та забилась, вспыхнула синим пламенем, но мёртвые руки утянули её в глубину.

Тир схватил Миру за локоть:

— Сейчас будет очень героически и очень смертельно. Предлагаю выбрать часть «не смертельно»!

— Куда?

Каэль уже смотрел на дальнюю стену.

— К Белой лестнице.

— Она существует? — спросил Тир. — Я думал, это сказка для воров, чтобы они умирали, пытаясь её найти.

— Существует, — сказал Каэль. — Она ведёт к старому трону.

— Великолепно. Туда, куда нас изначально звало всё здание. Обожаю, когда маршрут заканчивается там, откуда мы героически сбежали.

Мира посмотрела на озеро.

Золотокосая невеста стояла в воде, удерживая поднятую волну. Её пустая грудь сияла слабым светом.

— Идите, — сказала она. — Мы задержим их.

— Я вернусь, — сказала Мира.

Невеста улыбнулась.

— Все так говорят.

— Я не все.

И почему-то это прозвучало не дерзко.

А как клятва.

Невеста кивнула.

— Тогда помни: сердце — не ключ, если оно не принадлежит никому.

Мира не успела спросить, что это значит.

Каэль схватил её за руку.

На этот раз она не вырвалась.

Они побежали вдоль берега. Тир нёсся впереди, Пип подпрыгивал у него на плече и орал: «Лево! Нет, право! Нет, смерть!» — что помогало примерно никак.

За спиной гремела битва.

Мёртвые невесты пели. Их песня заставляла камень дрожать, воду подниматься, а синие клинки гаснуть в руках жрецов. Но Варен шёл сквозь всё это, медленно, неумолимо. С каждым шагом его тело становилось выше, шире, менее человеческим. Серебряная маска сползала с лица, а под ней открывалась чёрная пасть, полная звёзд.

Мира оглянулась.

И увидела, как Варен протянул руку к одной из невест.

Та вспыхнула и рассыпалась пеплом.

Озеро закричало.

— Он их убивает! — крикнула Мира.

Каэль потянул её сильнее.

— Если остановишься, он получит тебя.

— Я обещала вернуться!

— Тогда выживи сначала!

Они добрались до стены, где не было ни двери, ни прохода. Только гладкий чёрный камень.

— Ну? — выдохнул Тир. — Я надеюсь, у стены есть чувство драматического момента.

Каэль приложил ладонь к камню.

Ничего.

Он выругался и ударил сильнее.

— Откройся.

Стена молчала.

Мира поняла раньше него.

— Она не слушает тебя.

Каэль медленно опустил руку.

Мира шагнула к стене. Браслет-венец на её запястье светился.

— Белая лестница, — сказала она. — Откройся.

Камень остался неподвижным.

Тир нервно рассмеялся:

— Может, попросить вежливее?

Мира стиснула зубы.

— Пожалуйста?

Ничего.

За спиной Варен приближался.

Озеро отступало под его натиском. Мёртвые невесты исчезали одна за другой. Синий свет пожирал их песню.

Каэль посмотрел на Миру.

— Она требует плату.

— Какую?

Он перевёл взгляд на её запястье.

— Кровь Белого трона.

Мира почти устало усмехнулась.

— Ну конечно. А я надеялась, хоть одна дверь тут откроется по паролю.

Она протянула руку к кинжалу Каэля.

Он не отдал.

— Мира.

— Не начинай.

— Ты уже потеряла воспоминания, исцеляя меня.

— Значит, теперь твоя очередь не спорить.

Она выхватила кинжал сама и провела лезвием по ладони.

Боль была резкой, настоящей, почти утешительной своей простотой.

Кровь выступила на коже.

Но не красная.

Серебряная.

Тир тихо сказал:

— Вот теперь я точно хочу пересмотреть свои взгляды на монархию.

Мира приложила окровавленную ладонь к стене.

Камень впитал кровь.

Мгновение ничего не происходило.

А потом вся стена стала белой.

Не покрасилась. Не засветилась.

Она вспомнила, что когда-то была белой.

Из глубины камня проступила лестница — узкая, сияющая, уходящая вверх в темноту. Ступени были словно вырезаны из кости и лунного света. Воздух пахнул снегом и цветущими яблонями.

Каэль побледнел.

— Белый ход.

— Плохой? — спросила Мира.

— Священный.

Тир уже поставил ногу на первую ступень.

— Священный — это обычно значит «смертельно, но красиво». Идём!

Они поднялись.

Лестница была холодной, но не скользкой. С каждым шагом шум битвы внизу становился тише, зато впереди рос другой звук.

Шёпот.

Не зловещий.

Живой.

Астерия.

Мираэль.

Вернулась.

Последняя.

Нет. Не последняя. Первая.

Мира остановилась.

— Вы слышите?

Тир помотал головой.

Каэль смотрел на неё внимательно.

— Что?

— Они говорят, что я не последняя. Первая.

Каэль замер.

— Это невозможно.

— В последнее время эта фраза работает плохо.

Он открыл рот, но снизу раздался удар.

Лестница содрогнулась. По белым ступеням побежала синяя трещина.

Варен вошёл в ход.

Он уже почти не напоминал человека. Тело растянулось, руки стали слишком длинными, голова склонилась набок. Маска держалась на половине лица. В другой половине горела беззвёздная тьма.

— Вы не уйдёте к трону, — сказал он. — Белая кровь закончится здесь.

Каэль встал между ним и Мирой.

— Поднимайтесь.

— Нет, — сказала Мира.

— Опять? — простонал Тир. — Можно мы временно запретим это слово?

Мира смотрела на Варена.

На существо, которое хотело сделать из её боли оружие. Из любви — ключ. Из мира — корм.

Внутри неё дрожал страх.

Но под страхом было что-то новое.

Не магия.

Право.

— Он идёт за мной, — сказала она. — Значит, я могу его остановить.

Каэль резко повернулся:

— Ты не обучена.

— А он не приглашён.

Она подняла окровавленную ладонь.

Браслет-венец раскрылся на запястье, превращаясь в тонкие серебряные нити. Они потянулись к ступеням, к стенам, к самому воздуху.

Белая лестница ответила.

За спиной Миры вспыхнули силуэты.

Люди в светлых одеждах. Женщины и мужчины с серебряными звёздами на руках. Призраки? Память? Кровь? Она не знала. Но они стояли за ней, как войско, которого у неё никогда не было.

Варен остановился.

— Мёртвые не спасут тебя.

Мира выдохнула.

— Они не мёртвые. Они — память.

И впервые она не боялась платить ею.

Серебряный свет ударил вниз по лестнице.

Варен вскинул руки. Синее пламя столкнулось с белым. Лестница застонала. Тир упал на колени. Каэль закрыл Миру собой, но она шагнула рядом с ним, плечом к плечу.

— Не передо мной, — сказала она.

Каэль посмотрел на неё.

И впервые не приказал отойти.

Вместо этого он поднял руку.

Его тень соединилась с её светом.

Чёрное и белое сплелись, не уничтожая друг друга.

Варен закричал.

Не от боли.

От ярости.

— Так не должно быть!

Мира почти улыбнулась.

— Мне уже говорили.

Свет и тень ударили вместе.

Варена отбросило вниз. Он врезался в стену, сорвал с неё куски белого камня и покатился по ступеням. Синяя трещина под ним погасла.

Но перед тем как исчезнуть в темноте, он поднял изломанную голову и прошептал:

— Трон всё равно выберет одного. Королеву. Или короля.

Белая лестница снова затихла.

Мира стояла, тяжело дыша. Каэль рядом с ней тоже едва держался на ногах.

Их руки были всё ещё соединены светом и тенью.

Мира попыталась отступить.

Не смогла.

На её запястье и на руке Каэля появились одинаковые знаки: тонкие линии, похожие на брачные клятвы.

Тир медленно поднялся.

— Скажите мне, что это не то, о чём я думаю.

Каэль смотрел на знаки с ужасом.

Мира — с холодным непониманием.

— Что это?

Каэль долго молчал.

Слишком долго.

Потом сказал:

— Дворец связал нас.

— Как?

Он поднял глаза.

— Не как жениха и невесту.

Лестница над ними раскрылась, впуская ослепительный белый свет.

Вдалеке показались двери старого тронного зала.

Каэль произнёс:

— Как соправителей.

Глава 6. Белый трон

Слово соправителей прозвучало хуже, чем невеста.

Невестой Мира хотя бы могла отказаться быть. Невесту можно было сбежать, сорвать платье, разбить венец о камень, плюнуть в лицо судьбе и потребовать билет обратно в нормальный мир.

Но соправительница?

Это уже не платье. Не клятва. Не чужая свадьба.

Это трон.

А троны, как она начинала понимать, отпускали хуже любых женихов.

— Нет, — сказала Мира.

Тир вскинул руки:

— Всё. Вот оно. Любимое слово вечера вернулось.

Каэль смотрел на серебряные линии, обвившие его запястье. Такие же линии горели на руке Миры. Тонкие, изящные, почти красивые. Они напоминали браслеты, если забыть, что появились без согласия и, вероятно, означали очередную смертельную ловушку.

— Это невозможно, — сказал он.

Мира резко повернулась к нему:

— Серьёзно? После всего, что произошло, ты всё ещё используешь это слово?

— Чёрный трон не делится.

— Тогда поздравляю, твой дворец только что устроил реформу власти.

Тир нервно оглянулся вниз. В глубине Белой лестницы темнел провал, куда исчез Варен. Оттуда пока не доносилось ни шагов, ни шёпота, но тишина была слишком внимательной.

— Могу я предложить обсудить государственное устройство не на лестнице, где нас только что пыталось убить лицо без лица?

Пип каркнул:

— Лицо без лица. Плохо.

Каэль поднял взгляд к дверям наверху.

Они были огромны.

Не чёрные, как всё в этом дворце, а белые. Не просто светлые — будто вырезанные из застывшего рассвета. На створках переплетались два дерева: одно с чёрными листьями, другое с серебряными. Их корни сходились у основания, а ветви — у вершины, образуя корону.

Мира почувствовала, как знак на ладони отозвался болью.

Двери ждали её.

И это было хуже, чем если бы они угрожали.

— Что там? — спросила она.

Каэль ответил не сразу.

— Старый тронный зал. Его закрыли после Ночи Падения.

— После того как уничтожили мой род?

Он вздрогнул, но не отвёл взгляд.

— Да.

— И ты никогда туда не входил?

— Никто не входил.

Тир хмыкнул:

— Кроме тех, кто входил и не выходил. Таких историй в нижнем городе много. Обычно их рассказывают детям, чтобы они не лазили в королевские стены.

— Помогает? — спросила Мира.

— Я вырос в стенах, так что нет.

Они поднялись к дверям.

С каждым шагом воздух становился теплее. Запах подземного озера — сырость, мёртвая вода, холодный камень — отступал. Его сменил другой: яблоневый цвет, снег и едва заметный дым. Как будто весна пыталась прорасти сквозь пепел.

Перед дверями Каэль остановился.

Мира почувствовала рывок в запястье. Не физический — магический. Связь между ними натянулась, как невидимая нить.

— Похоже, теперь нам нужно ходить парой, — сказал Тир. — Очень удобно для будущих политических портретов.

Мира бросила на него взгляд.

— Ещё слово про портреты — и я назначу тебя придворным шутом.

— Это повышение?

— Это угроза.

— В Астерии разница тонкая.

Каэль положил ладонь на правую створку.

Мира поняла, что должна положить свою на левую.

Она не хотела.

Все важные вещи в этом мире происходили без её согласия. Её призвали. Переодели. Назвали невестой. Узнали её кровь. Связали с королём. Каждый шаг будто был прописан кем-то заранее, и от неё требовалось только красиво страдать в свадебном платье.

Но теперь она знала хотя бы одно: можно сказать «нет».

А иногда — можно открыть дверь самой, чтобы посмотреть в глаза тому, кто ждёт за ней.

Мира приложила ладонь к белому камню.

Двери распахнулись.

Не скрипнули.

Не дрогнули.

Просто растворились в свете.

И Мира увидела зал.

Он был мёртв.

От этого перехватило горло.

Не разрушен — нет. Колонны стояли целыми. Высокие окна без стёкол открывались в звёздное небо. Пол из белого мрамора сохранил рисунок созвездий. По стенам шли барельефы: женщины с коронами, мужчины с мечами, дети, держащие в ладонях маленькие звёзды.

Но всё было покрыто пеплом.

Серый слой лежал на ступенях, на мраморе, на троне, на пустых чашах у стен. Будто здесь не просто сожгли людей — здесь сожгли память о них.

В центре зала, на возвышении, стоял трон.

Белый.

Высокий.

Слишком простой для короны. Никакого золота, рубинов, роскоши. Только гладкий светлый камень и спинка в форме раскрытой звезды. Но от него исходила такая власть, что Мира невольно замедлила шаг.

Это была не власть приказа.

Не власть страха.

Это была власть имени.

Трон знал, кто она.

Каэль вошёл следом — и зал потемнел.

Не весь. Только вокруг него. Белый мрамор под его сапогами покрылся тонкими чёрными трещинами, будто камень помнил кровь Чёрных Королей и не хотел её принимать.

Каэль остановился на пороге.

— Я не должен быть здесь.

Мира оглянулась.

В его лице было что-то, чего она ещё не видела.

Стыд.

Не вина короля перед народом, не боль воина, не холодное признание ошибок. А личный, глубокий стыд человека, стоящего в доме тех, кого уничтожили его именем.

— Но ты здесь, — сказала она.

— Потому что дворец связал нас.

— Нет. Потому что ты выбрал идти.

Он посмотрел на неё.

Она сама не знала, почему сказала это. Может быть, потому что только что увидела в памяти мальчика, который держал дверь для её матери. Может быть, потому что ненавидеть его стало сложнее, чем хотелось.

Тир вошёл последним, осторожно, как вор в храме.

Пип на его плече неожиданно замолчал.

— Никогда не думал, что увижу это место, — прошептал Тир.

— Ты знаешь о нём? — спросила Мира.

— Все знают. Только по-разному. Верхний двор говорит, что здесь предатели Белого дома пытались проклясть империю. Нижний город говорит, что здесь убили последнюю настоящую королеву. Воры говорят, что под троном спрятано сердце дворца. Дети говорят, что по ночам здесь плачет звезда.

— А ты во что веришь?

Тир пожал плечами, но без привычной насмешки.

— Я верю дверям. Они лгут меньше людей. Если дверь открылась тебе — значит, ты должна была сюда прийти.

Мира медленно повернулась к трону.

На ступенях перед ним лежало что-то маленькое.

Она подошла ближе.

Это была детская игрушка.

Деревянная лошадка.

Обгоревшая с одного края.

Мира узнала её раньше, чем Каэль успел вдохнуть.

Та самая из его воспоминания.

Мальчик на снегу. Горящий дворец. Мать с открытыми глазами. Деревянная лошадка в руках.

Каэль стоял неподвижно.

Но связь на запястье Миры вспыхнула болью.

Не её болью.

Его.

— Это твоё? — тихо спросила она.

Он не ответил.

И не нужно было.

Мира подняла лошадку. Дерево оказалось тёплым, будто кто-то только что держал его в ладонях.

Зал изменился.

Пепел поднялся с пола.

Не ветром — памятью.

Он закружился вокруг них, складываясь в фигуры. Люди в белых одеждах. Стражники. Дети. Женщины с серебряными звёздами на руках. Тронный зал ожил, но без звука, как сцена за толстым стеклом.

Мира увидела Лиару Астер.

Её мать — настоящую мать по крови — стояла у трона с младенцем на руках.

Рядом с ней — мальчик с белыми волосами.

Каэль. Но младше. Намного младше.

На нём был не чёрный мундир, а простой тёмный камзол, разорванный на плече. Его лицо было в саже и слезах.

Перед ними стояли серебряные маски.

В центре — человек с короной Чёрного дома. Высокий, жестокий, с лицом, похожим на Каэля, но без его усталости. Наверное, отец. Или тот, кто называл себя отцом.

Мира не слышала слов, но зал, кажется, услышал её желание.

Звук вернулся ударом.

— Отдай ребёнка, Лиара, — сказал мужчина в короне. — Договор требует крови.

Лиара прижала младенца к груди.

— Договор требует баланса. Вы превратили его в бойню.

— Мир не держится на милосердии.

Мальчик Каэль шагнул вперёд.

— Отец, она не виновата.

Мужчина даже не посмотрел на него.

— Молчи.

— Ребёнок не виноват!

Удар был резким.

Мальчик упал на мрамор. Деревянная лошадка выпала из его руки и покатилась к ступеням трона.

Мира почувствовала, как взрослый Каэль рядом с ней перестал дышать.

Лиара сделала шаг к мальчику, но серебряные маски сомкнулись вокруг неё.

— Он ещё ребёнок, Морвэн, — сказала она. — Не делайте из него то, чем стали сами.

Мужчина в короне улыбнулся.

— Поздно.

Потом всё произошло быстро.

Мальчик поднялся. Кровь текла у него из разбитой губы. Он посмотрел на младенца в руках Лиары. На свою лошадку. На отца. На серебряные маски.

И бросился к стене.

К той самой двери, через которую, вероятно, можно было сбежать.

Он приложил ладонь к камню.

Ничего.

Тогда Лиара крикнула:

— Его имя! Назови своё истинное имя!

Мальчик замер.

Мужчина в короне побледнел впервые.

— Не смей.

Мальчик посмотрел на него.

И произнёс:

— Элиан.

Стена раскрылась.

Лиара рванулась к проходу. Мальчик держал дверь обеими руками, и было видно, как камень жжёт ему ладони. Маски бросились вперёд. Мужчина в короне схватил его за волосы и оттащил назад.

Но было поздно.

Лиара исчезла в белом свете с младенцем на руках.

Дверь сомкнулась.

Мужчина ударил мальчика о ступени.

— Значит, имя тебе больше не нужно, — сказал он.

Серебряные маски окружили ребёнка.

Одна из них подняла раскалённое кольцо.

Видение погасло.

Пепел осел.

В зале снова стало тихо.

Мира стояла с деревянной лошадкой в руках и не могла пошевелиться.

Каэль смотрел на трон.

Только теперь она понимала: он смотрел не на власть.

На место, где его сломали.

— Элиан, — сказала она тихо.

Он вздрогнул, как от удара.

— Не называй меня так.

— Это твоё имя.

— Нет.

— Его забрали у тебя. Это не значит, что оно перестало быть твоим.

Каэль резко повернулся.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

— Имя — это не звук. Здесь имя держит душу. Если его вырезать достаточно глубоко, пустота начинает отвечать вместо тебя.

Он говорил спокойно, но связь между ними горела так, будто его рука была в огне.

— Каэль Морвэн — не просто имя, которое мне дали. Это клетка. Долг. Трон. Проклятие. Всё, чем меня сделали.

— А Элиан?

Он усмехнулся без радости.

— Мальчик, который думал, что можно спасти одного ребёнка и не заплатить миром.

Мира сжала лошадку.

— Он спас меня.

— И Астерия умирала двадцать четыре года.

— Не из-за него.

— Из-за выбора, который он сделал.

— Нет, — сказала она. — Из-за тех, кто решил, что мир можно спасать детьми.

Он замолчал.

И на этот раз ей показалось, что молчание не прячет ответ.

Оно его ищет.

Тир осторожно поднял руку:

— Не хочу портить момент восстановления личности, но у нас есть ещё трон, мёртвые невесты, Варен и древний Голод. Предлагаю расставить приоритеты. Желательно так, чтобы я оказался где-то в пункте «выжить».

Мира посмотрела на трон.

Он был совсем близко.

Серебряные линии на её запястье и на руке Каэля потянулись к нему одновременно.

— Что будет, если я сяду?

Каэль ответил сразу:

— Не садись.

— Я спросила не это.

— Трон признаёт кровь. Но признание — не коронация. Он может показать правду. Может потребовать клятву. Может забрать то, что сочтёт лишним.

— Например?

— Страх. Память. Любовь. Жизнь.

Тир вздохнул:

— У этого дворца отвратительная привычка брать всё самое дорогое. Никогда не просит, например, старый сапог или плохое настроение.

Мира сделала шаг к трону.

Каэль схватил её за руку.

— Мира.

Она посмотрела на его пальцы на своём запястье.

Он отпустил сразу.

— Прости.

Это слово прозвучало неожиданно.

Не величественно.

Не красиво.

Просто.

Мира подняла глаза.

— За что именно?

— За то, что ждал тебя как жертву. За то, что не рассказал правду. За то, что позволил жрецам выбрать за нас обоих. За то, что до сих пор хочу просить тебя спасти мой мир, хотя не имею права.

Его голос не дрогнул.

Но ей стало больно.

Потому что часть её хотела услышать это.

А другая часть злилась, что услышала слишком поздно.

— Я не прощаю тебя, — сказала она.

Он кивнул.

— Знаю.

— Но я и не собираюсь умирать из принципа.

Она повернулась к трону.

— Если этот камень хочет что-то от меня, пусть скажет прямо.

Тир прикрыл глаза.

— Вот сейчас у меня плохое предчувствие.

Мира поднялась по ступеням.

Одна.

Каэль не пошёл за ней, но связь между их запястьями натянулась до боли. Она чувствовала его, как тень за спиной. Его страх. Его готовность броситься вперёд. Его отчаянное желание защитить — и понимание, что защита снова может стать клеткой.

Мира коснулась трона.

Белый камень был тёплым.

И зал исчез.

Она стояла в пустоте.

Перед ней парила Астерия.

Не карта. Не шар. Живой мир, сотканный из света, воды, гор, городов и трещин. Север был почти весь чёрным. Пустошь расползалась, как гниль по яблоку. Семь светящихся точек удерживали её границы.

Семь сердец мёртвых невест.

В центре мира — Чёрный дворец.

Под ним — озеро.

Над ним — треснувшая луна.

И ещё дальше, за тканью неба, Мира увидела нечто огромное.

Глаз.

Не человеческий.

Не звериный.

Пустой, голодный, полный звёзд.

Он смотрел на неё.

— Последняя кровь, — сказал голос.

Голос трона.

Не мужской и не женский. Сотни голосов её предков.

— Нет, — сказала Мира. — Вы уже назвали меня первой. Так что определитесь.

Пустота дрогнула.

— Последняя в изгнании. Первая в возвращении.

— Что вам нужно?

— Выбор.

— У всех тут проблемы со словарным запасом. Какой именно?

Перед ней возникли два образа.

В первом она стояла рядом с Каэлем в брачных одеждах. Венец на голове, его рука в её руке. Вокруг — спасённая Астерия. Живые города. Дети. Весна. Но за её спиной в озере стояли восемь невест.

Восьмая — она.

С пустыми глазами.

Во втором образе она разбивала замки. Мёртвые невесты освобождались. Пустошь врывалась в мир. Города падали. Небо чернело. Каэль умирал у её ног, а Мира сидела на Белом троне одна, с короной из пепла.

— Нет, — сказала она.

Голос трона стал тише:

— Других путей нет.

Мира рассмеялась.

— Знаете, мне уже один раз сегодня сказали нечто похожее. Потом я открыла стену.

— Ты не можешь спорить с законом мира.

— Могу, если закон написал кто-то, кто приносил девушек в жертву и называл это балансом.

В пустоте поднялся шёпот.

Серебряная звезда на её ладони вспыхнула.

— Покажи третий путь.

— Его нет.

— Тогда я создам.

Глаз за небом сузился.

И впервые Мира почувствовала, что смотрит не на трон.

А на того, кто говорил через него.

Голод.

Он был уже здесь.

Не за дверью.

Не в Пустоши.

Он давно сидел в самих правилах Астерии.

В каждом договоре.

В каждой клятве.

В каждой красивой легенде о жертве ради мира.

Мира медленно подняла руку.

— Ты не трон.

Пустота вздрогнула.

— Ты не память моего рода.

Голос стал ниже:

— Осторожно, дитя.

— Ты просто научился говорить их голосами.

Позади неё вспыхнул свет.

В пустоте появился настоящий Белый трон — не тот, каменный, в зале, а другой: живой, звёздный, почти прозрачный. На нём сидела Лиара Астер.

Рядом с ней стояли все, кто был на барельефах. Женщины и мужчины Белого дома. Не тени. Не пленники. Память крови.

Лиара посмотрела на Миру.

— Теперь ты видишь.

Голод зарычал.

Мир под ногами треснул.

— Мира! — голос Каэля прорвался издалека. — Отойди от трона!

Но Мира не отступила.

Лиара подняла руку.

На ладони у неё горела такая же звезда.

— Он питается выбором между жертвой и разрушением. Мы проиграли, потому что верили, будто третьего пути нет.

— А он есть?

Лиара улыбнулась печально.

— Ты уже открыла его.

— Как?

— Свет и тень. Белая кровь и Чёрная клятва. Не свадьба. Не смерть. Союз.

Мира поняла.

Связь на запястье.

Дворец не связал их как жениха и невесту.

Он связал их как равных.

Потому что один трон кормил Голод.

А два могли разорвать договор.

Пустота вокруг взорвалась чёрными щупальцами.

Лиара исчезла. Мир исчез. Глаз распахнулся во всё небо.

— ТВОЁ СЕРДЦЕ УЖЕ ДРОГНУЛО, — сказал Голод голосом её матери, Каэля, Тира, мёртвых невест и её собственным. — ОНО БУДЕТ МОИМ.

Мира вырвалась из видения с криком.

Она снова была в тронном зале.

Но теперь белый камень под ней почернел.

Из трона тянулись синие трещины. Они ползли по полу, по стенам, к дверям. Зал дрожал. Снаружи, далеко внизу, выл Варен.

Каэль подхватил её, когда она едва не упала.

— Что ты увидела?
Мира схватила его за рукав.
— Он не снаружи.
— Кто?
— Голод. Пустошь. То, чему служит Варен. Оно не просто за дверью, Каэль.
Белые двери тронного зала захлопнулись сами собой.
С той стороны что-то ударило.
Раз.
Второй.
Третий.
Тир отступил к ним, бледный как мел.
— Очень надеюсь, ты сейчас скажешь что-то обнадёживающее.
Мира посмотрела на трон.
По его спинке открывался глаз.
Звёздный.
Голодный.
Живой.
— Оно в троне, — сказала она.
И в этот момент Чёрный дворец начал падать.

Глава 7. Когда падают дворцы

Сначала Мира подумала, что это землетрясение.

Пол под ногами дрогнул, потом пошёл волной. Белый мрамор тронного зала вспух, будто под ним ворочалось что-то живое. Колонны застонали. Из трещин в стенах посыпался пепел, копившийся здесь двадцать четыре года.

Потом рухнула первая башня.

Где-то далеко вверху раздался такой грохот, что воздух стал твёрдым. Зал качнулся. Одно из высоких окон взорвалось наружу, и внутрь ворвался ледяной ветер, полный чёрных искр.

Тир едва удержался на ногах.

— Падает — это буквально?! Почему у вас все метафоры становятся архитектурой?!

Пип вцепился ему когтями в волосы.

— Падаем! Падаем! Уже говорила!

— Ты вообще умеешь говорить что-то полезное?!

— Умрём!

— Спасибо, очень полезно!

Мира стояла перед Белым троном и смотрела на глаз, открывшийся в его спинке.

Он был огромнее, чем казался в видении. Не размером — присутствием. Чёрная радужка, полная далёких звёзд, медленно двигалась, изучая её. Вокруг глаза белый камень темнел, как ткань, пропитанная чернилами.

Голод смотрел из трона.

И улыбался без рта.

Каэль резко потянул Миру назад.

— Не смотри в него.

Слишком поздно.

Взгляд глаза впился в неё.

Мира снова увидела свадебный салон.

Лампы. Зеркала. Тихий дождь за окном. Платье на манекене. Чёрную коробку. Венец.

А рядом — мать.

Не та ложная, что говорила из озера. Настоящая. В старом сером свитере, с усталым лицом и теплом в глазах.

— Доченька, — сказала она. — Пойдём домой.

Мира зажмурилась.

— Нет.

— Ты ведь хотела домой.

— Это не дом.

Голос матери стал тише:

— А где твой дом, Мира? Здесь? Рядом с королём, который готовил тебе смерть? Среди мёртвых невест? На троне, где ждёт чудовище?

Пол под ногами снова качнулся.

На этот раз Мира услышала крики.

Не в видении. В настоящем.

Снаружи, из города.

Чёрный дворец был не просто дворцом. Он висел над столицей, опираясь на мосты, башни и древнюю магию. Если он падал — он падал на людей.

На тысячи людей.

— Каэль, — прошептала она.

Он уже понял.

Лицо его стало страшно спокойным.

— Нужно удержать основание.

— Как?

— Чёрный трон питает дворец снизу. Белый трон — сверху. Если Голод проснулся в Белом, он ломает связь.

Тир побледнел ещё сильнее.

— То есть дворец падает, потому что у него, образно говоря, оторвали половину позвоночника?

— Да.

— Ненавижу, когда мои глупые сравнения точны.

Из двери ударили снаружи.

Белые створки выгнулись внутрь.

Раз.

Второй.

Третий.

С той стороны Варен смеялся. Смех просачивался через камень, через щели, через кости.

— Королева открыла трон, — пропел он. — Королева открыла голод. Королева принесла конец.

Глаз в спинке трона моргнул.

Мира почувствовала, как связь на её запястье болезненно натянулась. Серебряные линии, соединявшие её с Каэлем, вспыхнули, а потом потемнели по краям.

Голод тянулся к этой связи.

К их союзу.

К третьему пути, который ещё не успел стать дорогой.

— Он хочет её разорвать, — сказал Каэль.

— Связь?

— Нас.

Мира горько усмехнулась:

— Мы даже нормально познакомиться не успели, а нас уже пытаются разорвать древние сущности.

— В Астерии это считается началом ухаживания, — пробормотал Тир.

Мира посмотрела на него.

— Если выберемся, я действительно назначу тебя шутом.

— Ставлю условие: личная комната, еда и право оскорблять знать без казни.

— Обсудим.

Новый удар сотряс двери.

По створкам побежали синие трещины.

Каэль шагнул к трону.

— Я могу удержать Чёрную часть дворца, если доберусь до нижнего узла.

— Нижнего узла?

— Сердце Чёрного трона. Под основанием дворца.

— То есть туда, где всё падает, горит и кишит тварями?

— Да.

— Конечно.

Мира провела ладонью по лицу. Пальцы дрожали, но мысли внезапно стали холодными и ясными.

— А Белый трон?

Каэль молчал.

Она посмотрела на глаз в камне.

— Его должна удержать я.

— Не удержать, — сказал он. — Очистить.

Тир нервно поднял руку:

— Мне не нравится глагол «очистить», когда речь о троне с глазом.

Каэль не отвёл взгляда от Миры.

— Голод сидит в законе. В договоре. В самой памяти трона. Если ты попытаешься выжечь его одна, он возьмёт твоё сердце.

— А если ты пойдёшь со мной?

— Тогда дворец упадёт.

— И все умрут.

Он молчал.

Ответ был очевиден.

Мира рассмеялась тихо.

— Опять выбор из двух плохих?

— Мира…

— Нет. Мы уже проходили.

Она посмотрела на связь между их запястьями. Тонкие линии света и тени. Дворец связал их как соправителей. Не для красоты. Не для романтики. Для равновесия.

Равновесие.

Вот слово.

— Ты сказал, Чёрный трон снизу, Белый сверху. Два узла. Две стороны.

— Да.

— Значит, связь между нами может передавать силу.

Каэль понял раньше, чем она договорила.

— Нет.

— Даже не начинай.

— Ты хочешь остаться здесь с Голодом и одновременно держать связь со мной, пока я спущусь к Чёрному узлу.

— Да.

— Он будет бить по тебе через трон.

— А по тебе — через дворец.

— Если один из нас дрогнет, связь станет дорогой для него.

— Тогда не дрогнем.

Тир посмотрел с одного на другого.

— Великолепный план. Очень простой. Всего два человека должны не сломаться под давлением древнего космического голода, пока замок падает на город. Почему бы и нет?

Пип каркнул:

— Плохой план.

— Пип согласен со мной. Это исторический момент.

Двери снова вздрогнули.

Сквозь трещину просунулась длинная чёрная рука. Пальцы были слишком тонкими, с лишними суставами. На них горело синее пламя. Рука вцепилась в створку и начала раздвигать её.

Каэль поднял руку.

Его тень ударила по двери, прижимая её обратно, но было видно: сил у него мало. Рана под сердцем снова кровоточила. Чёрная кровь падала на белый мрамор, и каждый раз камень шипел.

Мира подошла к нему.

— Каэль.

Он вздрогнул от её голоса, словно ожидал приказа, а услышал что-то другое.

— Не умирай, — сказала она.

Его лицо изменилось.

Едва заметно. Но она увидела.

— Это приказ королевы?

— Это просьба человека, который потратил на тебя воспоминания и не хочет считать это плохой инвестицией.

Тир тихо охнул:

— Вот это почти нежно.

Мира не обернулась:

— Тир.

— Молчу.

Каэль смотрел на неё так, будто хотел запомнить в мире каждую черту её лица, пока Голод не вырвал у них эту возможность.

— Я вернусь, — сказал он.

— Все так говорят.

— Я не все.

Она хотела усмехнуться, но не смогла.

Потому что он повторил её собственные слова. И почему-то именно это оказалось больнее любых клятв.

Каэль коснулся своей ладони кинжалом. Чёрная кровь выступила на коже. Потом он протянул руку ей.

Мира поняла без объяснений.

Она раскрыла свой порез. Серебряная кровь ещё светилась на ладони.

Они соединили руки.

Чёрная и серебряная кровь смешались.

Связь на запястьях вспыхнула ярко — не белым и не чёрным, а чем-то третьим. Цветом звезды, увиденной сквозь ночь.

Белый трон застонал.

Глаз сузился.

— РАВНЫЕ НЕ СУЩЕСТВУЮТ, — сказал Голод.

Голос ударил по залу, и все окна разом треснули.

Мира подняла голову.

— Привыкай.

Каэль сжал её пальцы один раз.

Потом отпустил.

— Тир, со мной.

— А если я предпочту остаться с троном-людоедом?

— Ты знаешь нижние ходы.

— Обожаю, когда моя сомнительная биография становится полезной.

Пип перелетел с плеча Тира и вдруг сел на плечо Миры.

Тир замер.

— Эй. Предательница.

Птица повернула голову.

— Королева одна.

Мира удивлённо посмотрела на неё.

— Ты остаёшься?

— Одна плохо. Умрёт быстро.

— Очень поддерживающе.

Пип щёлкнула клювом:

— Не умирай.

Тир нахмурился, но спорить не стал.

— Верни мне птицу целой.

— Она сама решила.

— Это не значит, что она умная.

— Слышала, — каркнула Пип.

Каэль и Тир направились к боковой арке. Её раньше не было, но дворец открыл её по приказу Миры — узкий чёрный проход, ведущий вниз. Перед тем как войти, Каэль обернулся.

И на секунду весь падающий мир стал тише.

Мира стояла у Белого трона в порванном свадебном платье, с короной-браслетом на запястье, с кровью на ладони и птицей на плече. За ней открывался глаз древнего Голода. Перед ней трескались двери, за которыми ждала смерть.

Она не выглядела спасённой.

Она выглядела опасной.

Каэль поклонился ей.

Не как невесте.

Как королеве.

Потом исчез в проходе.

И двери тронного зала разлетелись.

Варен вошёл вместе с бурей.

Он был уже почти полностью чужим. От человеческого тела остались только обрывки: плечо, часть лица, один глаз под осколком маски. Всё остальное было тьмой, синей костью и звёздной пастью. За ним хлынули жрецы и твари Пустоши.

Мира повернулась к ним.

Белый трон за её спиной шептал.

Сядь.

Прими.

Отдай.

Спаси.

— Не сегодня, — сказала она.

Варен остановился посреди зала.

— Где король?

— Занят.

— Он бросил тебя.

Мира почти улыбнулась.

— Ты правда думаешь, я до сих пор покупаюсь на это?

— Он пошёл умирать.

— Возможно. Но это его ошибка, не моя.

Варен склонил голову.

— Ты хочешь казаться сильной. Но я видел тебя в зеркале. Тебе достаточно показать любовь — и ты тянешься к ней, как голодное дитя.

Мира почувствовала укол.

Точный.

Ядовитый.

Но не смертельный.

— Да, — сказала она.

Варен замер.

— Что?

— Да. Я хотела, чтобы мать вернулась. Хотела домой. Хотела, чтобы кто-то сказал: «Я с тобой», — она сделала шаг вперёд. — И что?

Твари за его спиной зашипели.

— Боль делает тебя слабой.

— Нет. Боль делает меня злой. А это разные вещи.

Она подняла руку.

Серебряная звезда вспыхнула, и пепел на полу поднялся стеной. Он закружился, собираясь в фигуры Белого дома — призрачных стражей, женщин с мечами, детей со звёздами в ладонях. Память дворца встала между Мирой и жрецами.

Варен рассмеялся.

— Пепел против Пустоши?

— Память против тех, кто её жрёт.

Он ударил.

Синее пламя сорвалось с его рук, превратилось в зверя с раскрытой пастью и бросилось на Миру. Призрачные стражи приняли удар. Их фигуры вспыхнули и рассыпались, но пламя ослабло.

Мира почувствовала боль в груди.

Не свою.

Каэль.

Где-то внизу он добрался до первого узла.

Через связь хлынуло ощущение: падение, дым, чёрный камень, крики стражников, твари в тоннелях. Его рука касается древнего механизма под дворцом. Чёрная магия впивается в его кровь.

Держись, подумала Мира.

Не знала, услышит ли.

Ответ пришёл через боль:

Держусь.

Варен снова ударил.

Мира отступила к трону. Глаз за её спиной раскрылся шире. Его шёпот стал ласковым:

Позови меня. Я дам силу. Я уничтожу врагов. Я верну мать. Я спасу короля.

Мира стиснула зубы.

— Ты не умеешь отдавать. Только брать.

Все берут. Любовь берёт. Власть берёт. Память берёт.

— А я научусь иначе.

Она коснулась трона не ладонью, а окровавленным запястьем, где венец превратился в браслет.

— Покажи мне договор.

Трон сопротивлялся.

Голод взвыл.

Но кровь Астер была старше лжи, вплетённой в камень.

Перед Мирой вспыхнули линии.

Тысячи.

Нет, не линии.

Клятвы.

Каждая светилась своим цветом: чёрным, белым, синим, алым. Клятвы королей. Клятвы невест. Клятвы жрецов. Клятвы, данные богам, мёртвым, трону, страху.

И среди них — семь узлов.

Семь сердец мёртвых невест.

Восьмой узел тянулся к ней. Ещё не сомкнулся. Только искал путь.

Мира увидела, как он формируется: из страха Каэля потерять мир, из её одиночества, из древнего голода, из слов «ради спасения».

— Вот ты где, — прошептала она.

Варен бросился к ней.

Пип взлетела с её плеча и неожиданно увеличилась в воздухе. Маленькая серая птица стала огромной тенью с крыльями из дыма и глазами, полными серебряных искр. Она ударила Варена в лицо когтями.

— Пип?! — выдохнула Мира.

Птица каркнула громом:

— Быстро!

Мира схватила восьмой узел.

Боль была такой, что она почти ослепла.

Узел не хотел рваться. Он был соткан не только из магии. Из желания. Из того предательски тёплого чувства, которое уже начало появляться, когда Каэль смотрел на неё не как король, а как человек по имени Элиан.

Голод засмеялся.

Сердце уже выбрало.

Мира упала на одно колено.

Внизу, через связь, Каэль закричал.

Он почувствовал.

Мира, отпусти!

Она сжала узел сильнее.

Нет.

Он доберётся до тебя через него!

Тогда помоги мне его переписать.

Ответа не было.

Только боль. Тьма. Дыхание падающего дворца.

Потом его голос:

Как?

Мира посмотрела на семь узлов мёртвых невест.

— Сердце нельзя взять силой, — прошептала она. — Только когда оно само выбирает.

Она поняла.

Не нужно было отказываться от сердца.

Нужно было отказаться от сделки, в которой сердце становилось собственностью.

— Я не отдаю сердце королю, — сказала она вслух.

Варен зарычал и отбросил Пип в стену. Птица снова стала маленькой и упала на пол.

Мира поднялась.

— Я не отдаю сердце трону. Не отдаю миру. Не отдаю Голоду.

Восьмой узел дрожал в её руках.

— Я выбираю любить, когда захочу. Ненавидеть, когда должна. Прощать, когда смогу. И ничто из этого не будет ключом в чужой замок.

Слова стали законом.

Не старым.

Новым.

Через связь хлынула тень Каэля. Не чтобы поглотить. Чтобы удержать. Его Чёрная клятва легла рядом с её Белой кровью.

И восьмой узел разорвался.

Голод закричал.

Тронный зал раскололся светом.

Семь узлов мёртвых невест вспыхнули один за другим, но не исчезли. Они изменились. Сердца больше не были замками. Они стали звёздами.

Где-то внизу озеро мёртвых невест запело.

Варен упал на колени.

— Что ты сделала?

Мира стояла перед троном, дрожа от боли и силы.

— Освободила то, что вы называли долгом.

Семь звёзд ударили в потолок. Их свет прошил дворец сверху вниз. Башни перестали рушиться. Камень взревел, удерживая собственный вес. Город внизу ответил далёким криком — уже не ужасом, а изумлением.

Но Голод не умер.

Глаз в троне почернел полностью.

И открылся снова — уже не в камне.

А в воздухе над залом.

Варен поднял голову и улыбнулся расколотой пастью.

— Спасибо, королева, — прошептал он. — Ты сняла замки.

Мира похолодела.

Семь звёзд освободили невест.

Но дверь, которую они держали, действительно открылась.

Из воздуха над троном полезла тьма.

Не Пустошь.

То, что было за ней.

Каэль ворвался в зал через боковой проход одновременно с первой волной Голода. Его одежда была разорвана, лицо в крови, но Чёрный узел за ним горел устойчивым тёмным светом.

Он увидел разорванную дверь над троном.

Потом Миру.

И всё понял.

— Ты изменила замки, — сказал он.

— Да.

— Но не закрыла дверь.

— Ещё нет.

Тир появился следом, хромая и кашляя.

— Скажите, что часть плана «ещё нет» включает выживание всех присутствующих.

Мира посмотрела на Каэля.

На Элиана.

На человека, который когда-то открыл дверь для её спасения и теперь стоял рядом у конца мира.

Связь между ними больше не жгла.

Она дышала.

— Ты готов? — спросила она.

Он встал рядом с ней перед открывшейся тьмой.

— Нет.

Мира усмехнулась.

— Честно.

— Но я с тобой.

Голод раскрылся над ними, как беззвёздное небо с зубами.

И из этой тьмы вышла первая настоящая богиня.

Она была высокой, прекрасной и мёртвой. Её кожа сияла синим огнём, волосы текли в воздухе, как чёрная вода, а на лбу горел знак, похожий на треснувшую луну.

Все жрецы упали ниц.

Варен заплакал от восторга.

Каэль прошептал:

— Невозможное…

Богиня открыла глаза.

И посмотрела на Миру.

— Здравствуй, дочь моей крови, — сказала она голосом Лиары Астер. — Наконец-то ты открыла мне путь домой.

Глава 8. Богиня с лицом матери

Мира не сразу поняла, что закричала.

Крик вырвался сам — короткий, сорванный, почти чужой. Он ударился о стены Белого зала и растворился в грохоте падающих камней, в пении освобождённых невест, в шёпоте жрецов, павших на колени перед той, кто вышла из разорванной двери над троном.

Богиня стояла в воздухе, не касаясь пола.

Её тело было соткано из синего огня, чёрной воды и звёздной пыли. Лицо — лицо Лиары Астер. То самое, что Мира видела на портрете, в памяти, в видении трона. Прекрасное, печальное, царственное.

Но глаза были не её.

У Лиары в воспоминаниях глаза были тёплыми. Усталые, живые, полные отчаянной любви к ребёнку на руках.

У этой женщины глаза были пустыми.

Голодными.

В них не было матери.

Только вечность, которая научилась притворяться.

— Нет, — прошептала Мира. — Ты не она.

Богиня улыбнулась.

И эта улыбка была хуже крика. Слишком мягкая. Слишком знакомая. Так могла бы улыбнуться мать, если бы увидела свою дочь после долгой разлуки.

— Я — то, что было до неё, — сказала богиня. — То, что текло в её крови. В твоей крови. В крови каждой женщины Белого дома, которая думала, что владеет силой звёзд.

Каэль встал перед Мирой.

Его тень поднялась за плечами, но не раскрылась полностью. Она дрожала. Не от страха — от узнавания. Чёрная магия в нём помнила эту силу и ненавидела её.

— Селена, — произнёс он.

Имя пронзило зал, как холодная игла.

Тир, который едва держался на ногах у бокового прохода, побледнел так, что даже сажа на его лице стала заметнее.

— Селена? — переспросил он. — Селена как… первая богиня луны? Та, которой приносили сердца до того, как люди поняли, что это плохая традиция?

Пип, лежавшая у стены после удара Варена, слабо каркнула:

— Плохая. Очень плохая.

Богиня повернула голову к Тиру.

— Маленькая крыса в стенах помнит старые песни.

Тир сделал шаг назад.

— Я предпочитаю «специалист по неофициальным маршрутам».

Варен полз к богине на коленях.

От него почти ничего человеческого не осталось. Чёрная пасть распахнулась там, г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.